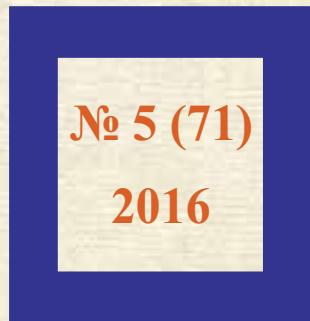
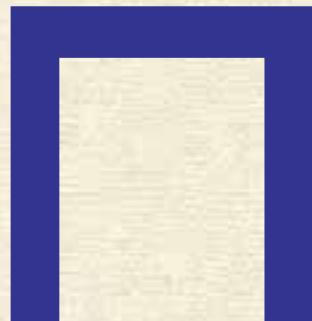

«...железки слов случайно обнаруживая...» В.Маяковский

№ 5 (71)

2016

Ж У Р Н А Л
Э Т П В
Д О О С

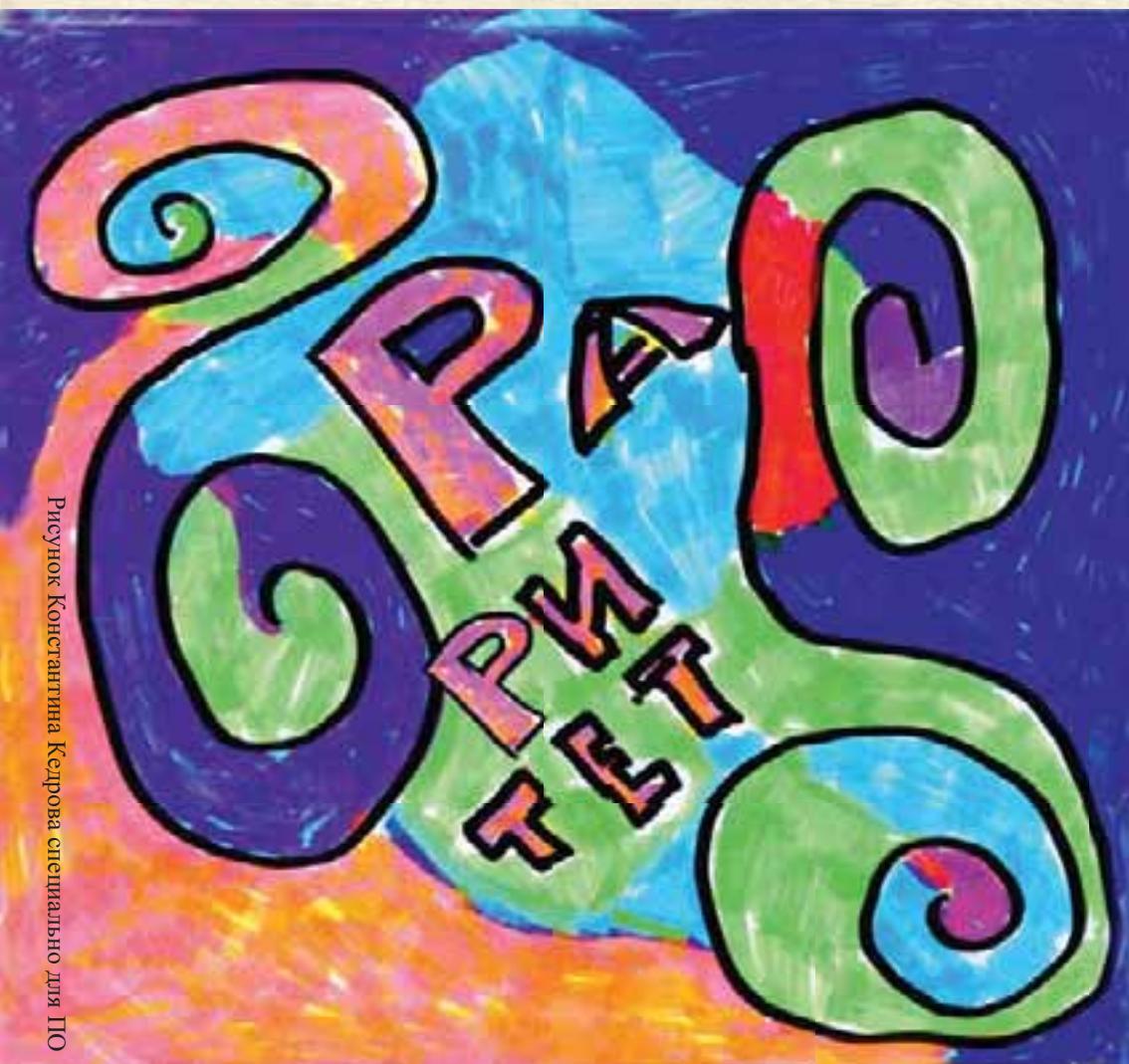

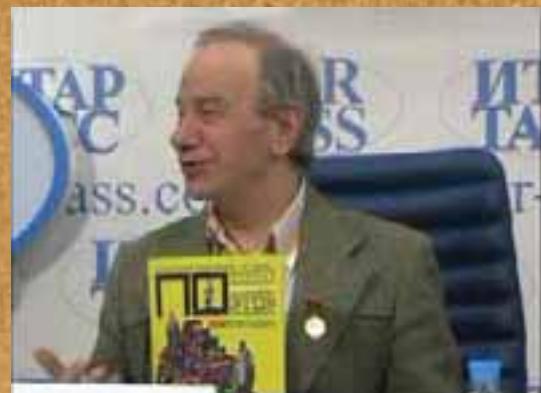
Рисунок Константина Кедрова специально для ПО

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Нам 20 лет!

RUSSIA, May 21, 1997. Alexander Semen/TASS
Russia, 21 May 1997. Poetinatdistsam poezii "Poetov". Poety Vadim Rabinovich (slova naypravo), Konstantin Kedrov i Aleksandr Tkachenko vo vremya prezintatsii v tsen klubu. Semen Aleksandrov/Fotokorponika TASS

Пресс-конференция «Журнала ПОэтов» в ИТАР-ТАСС в рамках 13-го Всемирного Дня поэзии ЮНЕСКО.
Журнал представляют гл.редактор Константин Кедров и ответ.секретарь Елена Кацуба. Март, 2012 г.

Раритеты добывали

Москва, Галле, Кыштым, Днепропетровск, Калининград, Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Томск, Прага, Минск, с.Пречистое, с.Саранпауль, Полоцк, Красноярск, Казань, Вена, Обнинск, Пермь, Ош, Киев

2-3-4-5-6-7-8

Константин Кедров
9

Сергей Бирюков, Галина Мальцева,

Елена Кацюба

10-11

Маргарита Аль
12-13

Елена Кацюба

14

Александр Петрушкин, Виктор Загумённов,
Владислав Запорожченко

15

Галина Якубовская, Ольга Лебединская
16

Андрей Цуканов, Борис Бартфельд
17

Татьяна Зоммер, Роман Данилюк
18

Владимир Друк, Акифуми Такеда,
Петр Кобликов

19

Мамин альбомчик (представляет Галина
Мальцева)
20-21

Ирина Силецкая, Елена Свечникова
22

Александр Городницкий
23-24-25

Валерий Мутин, Владимир Квашнин
26

Александр Раткевич

Миру – миф
Страница 9

всПОМНИМ
Страницы 11, 46

Зажигаем по-детски!
Страницы 18, 19, 43

История ПО-человечески
Страница 31

Классика ПО-нашему

Страница 30

27

Герман Гецевич
28

Николай Ерёмин, Галина Свинцова
29

Евгений Степанов
30

Герман Гессе, Вячеслав Куприянов
31-32-33-34

Александра Заболотская, Ольга Журавлёва
35

Виктор Клыков, Наталья Никулина,
Михаил Горбунов

36-37-38-39-40-41
Валерия Нарбикова

42

Ольга Панюшкина, Андрей Карпов
43

Нина Орлова-Маркграф,
Владимир Миодушевский
44-45

Константин Кедров, Александр Чернов
Елена Кацюба, Амарсана Улзытуев
46-47

Юрий Беликов

1-я стр. обложки

Константин Кедров

3-я стр. обложки

Александр Моцар, Дмитрий Багрим,
Рахим Карим, Алексей Шмулей

4-я стр. обложки

Андрей Врадий

Специально для ПО

Страницы 20, 29, 46

ПО лесам, ПО горам
Страница 23

ПРОЗЫРЕНИЕ

Страница 36

Рисунок Константина Кедрова (ткань, фломастер), 2002 г.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

РАРИТЕТЫ

В 1960 году я создал первую вещь, имеющую прямое отношение к метаметафоре. Это поэма «Бесконечная».

Я вышел к себе
через-навстречу-от
и ушел под
воздвигая над.

Казанский поэт Геннадий Паушкин (не Пушкин) сказал мне тогда: «Понимаешь, старик, у тебя слишком много метафор в каждой строке. Надо одну метафору на один стих и одну мысль в конце, а у тебя мысль за мыслью, образ за образом, мозг не справляется».

Казанское литературное объединение им. Вл.Луговского относилось ко мне то восторженно, то насмешливо. Поэт Владимир Игнатюк стал моим союзником. Он писал свежо и неожиданно: «Я приду к вам и доверчивый, и розовый. / Не пугайтесь, к вам придет один юродивый. / Ну так пусть он посидит у вас до вечера, / и запомните – он притворяется доверчивым. / Притворяется и в брови смотрит искренне, / он вам лжет, как лжет любая полустынина./ Я к тому, что больше нет у вас лица/, только боль от неснесенного яйца». В последствии Игнатюк поступил во ВГИК, в мастерскую Ромма, и стал почему-то писать «правильные» стихи и сонеты.

Старшие поэты Николай Беляев (геолог) и Ренат Суфееев (физик) наставляли на путь истинный, призывали познавать жизнь, хотя ценили строки «никогда не приближусь к тебе ближе чем цветок приближается к солнцу» или «поэзия – вершина бытия». Беляев говорил о романтике Фиделе Кастро и советовал мне прочесть стихи Иосифа Уткина про какого-то беззного. Правда, «Поэма о рыжем Мотеле» мне понравилась. Стихи Беляева были романтичны и уютны: «Не всем не все на свете удается/, но удалось – и сразу с плеч гора/ Сосна росла, как в каменном колодце, / на дне глубокого двора. / Опустили ее домохозяйки надежно веревкой бельевой...» И финал: «Я рано встал и мало удивился, / не обнаружив за окном сосны» (рифма к «весны»). «Она ушла. Куда? Никто не знает. / Ушла по лужам, волоча белье./ Она ушла, хоть так и не бывает. / Ушла и все. Я счастлив за нее».

Сегодня его ранние геологические стихи звучат наивно и даже трогательно: «Моряки, геологи, поэты, / донкихоты золотой мечты...» Помню еще: «Сквозь дали ночные туманами зыбкими, приди к нам, чтоб рядом лечь./ Хорошие парни встретят улыбками, / улыбками шире плеч». Самое удивительное, что все это писалось совершенно искренне, и

Беляев надеялся, что я тоже вскоре
возьмусь за ум.

Ренат Суфееев (Роман Солицев) в
конечном итоге утащил меня в
геологическую экспедицию куда-то под
Красноярск на реку Урюп. Там я чуть не
застрелился, но зато написал «Поэму
тайги»:

Ночь как дуло вошла в рассвет
Звезды стянутые к виску
Только выстрелом да и нет
пуля
отлитая в тоску
Обезвредили
нет
напрасно
жизнь готовая для броска
и уже нестерпимо ясно
звезды встали у стен виска...

Значит кончилось время самоубийств
Есть такое самоубийство – жизнь!

Из тайги я вернулся отчисленным с
первого курса журналистики МГУ,
конечно, за стихи, хотя придрались к
какому-то зачету по партийной печати.
КГБ взялось за меня всерьез, поскольку
«Бесконечная» влияла на молодых, а
Хрушев уже орал на Андрея Вознесенского
и Эриста Неизвестного. Я перевелся в
Казанский университет на отделение
журналистики, но и здесь меня «достали» –
снова отчислили. В самый разгар
проработок я умудрился выпнохать фланон
хлороформа и оказался в больнице. Мне
казалось, что я просто инсенирую
самоубийство, хотя теперь я понимаю, что
хлороформ-то был настоящий. Эта акция на начальство
подействовала. Меня восстановили на втором курсе, но
перебросили на филфак. Вот тут-то меня ждала неожиданность.
В Казанском университете была роскошная библиотека,
собранная еще Лобачевским, плюс библиотека бывшей
Духовной академии, переданная большевиками в университет. Я
читал запом и все вперемешку: Василия Великого,
Лобачевского, Мендельсона и, наконец, Хлебникова. Хлебников
меня оглушил и парализовал яж до 1978 года. Писать, тиражируя
«Бесконечную», я уже не мог. Надо было найти что-то
постхлебниковское, а это был совсем не просто. Лет десять я
пытался воссоздать литургический стих, считая, что в нем есть и
рифма, и верлибр, и живая интонация, а, главное, образность:
«...из гроба одаждивши Христа».

Мой студенческий диплом назывался «Влияние геометрии
Лобачевского и теории относительности на поэзию Велимира
Хлебникова». Это была единственная форма поэзии, которая
меня увлекала. Поместив себя на поверхность псевдоатмосферы
Лобачевского с отрицательной кривизной, я охватил собою весь
мир. Позднее я узнал, что у Флоренского это называется
обратной перспективой. Однако ни Флоренский, ни
Лобачевский, ни Хлебников не догадались поместить на
псевдоатмосферу себя. Удивило меня другое. Геометрии
Лобачевского, с которой я познакомился в 1958 году,
предшествовало очень личное переживание. 30 августа 1958 года
в Измайловском парке в полночь произошло то, что позднее я
назвал «выворачивание», или «инсайдер». Было ощущение
мгновенного внутренния мира таким образом, что не было
границы между моим телом и самой отдаленной звездой. Я
перестал быть внутри вселенной, но охватывал себя небом, как
своей кожей. Нечто подобное произошло и с временем:

Константин Кедров. Казань, 1964 г. Фото Валерия Соменко..

прошлое опережало будущее, будущее оказалось в прошлом. Это была реально ощущимая и вместе с тем вечная. К сожалению, в течение месяца это ощущение все более ослабевало, пока не стало воспоминанием. Однако это повторилось еще один раз – через десять лет. Где-то в 70-е годы я нашел схожее описание у Андрея Белого, когда он, взойдя на пирамиду Хеопса с Асеей Тургеневой, «сам себя обволок зодиаком». Это и есть «я вышел к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над». И еще: «Человек – это изянка неба, небо – это изянка человека».

В 1975 году я преподавал в Литинституте, где до этого закончил аспирантуру. После лекции на заочном отделении ко мне подошла Ольга Свиблова: «Вы должны прочитать стихи моего мужа». Я нехотя взял пачку, как полагал, очередной графомании. Однако дома с удивлением прочел: «Посеребрины кишки кругло креценской водкой, / да здравствует нутро, мерцающее нам». И еще: «Царь-рыба на песке ворочается гулко / и стынет, словно ключ в густоющем замке». Вскоре Алексей Парциков привел ко мне Александра Еременко, он тоже учился в Литинституте, и Ивана Жданова. В стихах Еременко меня удивили такие строчки: «А, впрочем, в чем был замысел Эйштейна? / Он, как бинокль, перевернул стакан, / не изменив конструкции кронштейна». У Жданова поразила строка: «От внешней крови обмирает волпл». Вот тут-то я сказал, что родилась новая метафора. Я назвал ее метафорой эпохи теории относительности, а в своем кругу мы называли ее мистериальной метафорой.

Теоретически я много лет разрабатывал литургический, голограммный, мистериальный стих. Поиски увенчались успехом после встречи с Парциковым, Еременко и

Ждановым поэмой «Допотопное Евангелие» и стихом «Невеста». Я знал, что шокирую этих поэтов, когда показывал им эти тексты. Поэтика Жданова и Еременко была, на мой взгляд, консервативной, да и Парщиков был скован силлаботоном. Дальше началось нечто невообразимое. Жданов написал «Вскрывающий небо ущербным консервным ножком...»; Парщиков – «В домах для престарелых, широких и проточных...»; Еременко, оставаясь в старой поэтике, создал поэму «Иерониму Босху, изобретателю прожектора». Началась эра метаметафоры. Уже в 1976 году мне удалось провести в ЦДРИ вечер трех поэтов. После выступления, по свидетельству организатора (она рассказала мне об этом только в перестройку), привалило КГБ и запретило мое участие в дальнейших выступлениях поэтической тройки да и саму тройку объявило нежелательной.

Вот один из типичных разговоров тех лет. Меня вызывает к себе в кабинет ректор Литинститута В.Ф.Пименов:

- Что это за Лианозовская школа, которую вы основали?
- Я не знаю, что это за школа, – (тогда я еще не был знаком с Сапгиром и Холиным).
- А где вы живете?
- У метро «Варшавская».
- Нет, у меня сведения, что вы живете в Лианозово!
- Еще эпизод в кабинете ректора:
  - У вас собираются студенты. Чем вы там занимаетесь?
  - Поззией.
  - Не надо. Поззией у нас занимается Егор Исаев.

Зимой 83-го ко мне в Переделкино приехали Парщиков и Свиблова.

– Нам надо четче обозначить себя, – сказал Леша.
– Обозначим мистериальную метафору в ее связи с метакодом, – предложила Ольга.

– Метаметафора, – сформулировал я окончательно.

В 1984 году в первом номере журнала «Литературная учеба» вышла поэма Парщикова «Новогодние строчки» с моим предисловием «Метаметафора Алексея Парщикова».

Спустя полгода статью обильно процитировал С.Чупринин со всеми ссылками в статье «Что за сложностью». И пошло, поехало... В начале 80-х Парщиков познакомился у меня с Михаилом Эпштейном. Тот поэзии особо не интересовался, но в это время (1982) в «Новом мире» вышла моя статья «Звездная книга» с теорией метакода. Миша просмотрел у меня грани статьи и как

врожденный социолог все упростил и привязал к социуму, пристегнув мою троицу к длинной веренице поэтов, где кого только не было – от Кушнера до Седаковой. Отцепил от метаметафоры «мета» и пристегнул к реализму, так получился мета реализм.

Сам я получил возможность снова высказаться о метакоде только в 1989 году в книге «Поэтический космос» в главе «Рождение метаметафоры».

В середине 90-х годов одна из редакторов «Советского писателя» рассказала мне, как во время вывоза тиража книги на склад пришли люди с удостоверениями КГБ и пытались задержать машину, которая была уже на выезде. Однако редактор не растерялась и потребовала у них официальную бумагу, поскольку 20 000 книг являются материальной ценностью. Те замялись, а редактор села в машину и сказала шоферу: «Трогай!» Почти весь тираж оказался в Риге. Оттуда книга попала в Париж, Нью-Йорк, Чикаго. В Москве ее продавали в Доме книги и продали за 40 минут 800 штук. Я не успел доехать до магазина, а книга уже закончилась.

Но в 89 году всем было не до метакода и метаметафоры. Как я узнал позднее, дело, заведенное на меня, называлось «Лесник», а статья, которую мне клеили, именовалась «Антисоветская пропаганда и агитация с высказываниями антисоветского характера». На мой запрос в начале 90-х мне ответили, что никаких документов не обнаружено, потом выдали протокол об уничтожении дела в августе 90-го. Официально во это время дело было закрыто в связи с отменой 6-й статьи о руководящей роли КПСС.

Но еще в апреле 1984 года в № 4 журнала «Литературное обозрение» появилась статья «На стыке мистики и науки», где со ссылками на Андропова и Черненко клеймили мою статью «Звездная книга». Редактор и ответственный секретарь меня уверяли, что статья была подвергнута без их ведома. Ректор Пименов в это время советовал: «Ищите другую работу». А весной 86-го в Литинститут пришли два офицера КГБ и потребовали моего отстранения от преподавания. Отстранил меня новый ректор

Константин
Кедров
и Алексей
Парщиков.
Конец 90-х.

Фото Елены
Кацоби.

Егоров, присланный на смену Пименову из отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. «Я ничего против вас не имею, но меня берут за яйца», – сказал будущий министр культуры. А потом добавил: «Видели бы вы их рожи».

А тем временем, в 1984 году, на фоне истерической военно-патриотической кампании по возрождению ДОСААФ я пишу стих «ДООС»:

Неостановленная кровь
обратно не принимается!

ДООС –

Добровольное Общество Охраны Стрекоз.

Так образовалось общество ДООС, ответившись от метаметафоры. В него вошли я и поэтесса Елена Кацоба, а также несколько наших друзей художников, работающих в иероглифическом стиле. Вскоре Елена Кацоба напишет комбинаторную поэму «Свала» – еще один шаг в развитии анаграммного стиха. Кстати, я довольно поздно узнал, что стих «Допотопного Евангелия» является анаграммным. Я называл его голографическим, литургическим, мистериальным. Мне хотелось, чтобы имена египетских богов Озириса, Сета, Изиды постепенно преобразовывались в имя Христа. Каково же было мое изумление, когда я прочел у Иванова, что якобы я с Соссюром в нерасшифрованных тетрадях говорится, что «Илиада», Махабхарата и Библия написаны анаграммами стихов с именами богов. Подтвердить это сообщение мне пока что не удалось. Боюсь, что это мистификация или озарение Соссюра, которое мелькнуло и тотчас погасло.

Понемногу ДООС из полуслухи – полумистификации превращается в литературное движение. С 1985 года мы начинаем выступать как группа. Вечера проходят в Доме медработников в ЦДРИ, в ЦДЦ, на выставках в Манеже. У меня всплеск энергии. Пишу «Компьютер любви», своего рода манифест метаметафоры. Затем «Астраль», где создается новый, звездный язык из корня «астр» и ими созвездий. Следующий рывок – преображение грамматики – «Партант» и «Верфлием». Толчок – взрыв в Чернобыле и гибель «Нахимова». Выворачивание меняет пространство и время, следовательно меняется и грамматика.

В 1988 году мне пришло в голову идея изобразить словами текст, которого нет. Так возник «Комментарий к отсутствующему тексту», кстати, вышедший потом в качестве «передовицы» в первом номере «Газеты ПОЭЗИЯ» (предшественницы «Курнала ПОЭЗОВ»).

В 1990 году выходит мой первый сборник стихов «Компьютер любви». Книга издана за мой счет в

издательстве «Художественная литература» (к счастью, появилась такая возможность). Но даже это издание пытались приостановить. Помог мой друг Игорь Голембиовский, редактор «Известий». Он попросил министра печати Ефимова, бывшего известинца, и тот велел напечатать. Обошлось мне все это в 9 тысяч, деньги по тем временам гигантские. Правда, деньги эти все равно превратились бы в пустую бумагу уже через год.

Еще одна забавная деталь. Полковник ФСБ Гончаров, выдавший мне протокол о деле «Лесник», позвонил и сообщил, что вышла книга Урушадзе «Выборные места из переписки с врагами». Ее автор вместе с Глебом Якуниным первый вошел в кабинет Крючкова. В сейфе среди бумаг донесение 1984 года о том, что «предотвращено поступление Лесника в Союз писателей». А в книге «КГБ вчера, сегодня, завтра» ответ-секретарь «Нового мира» сообщает на конференции в ЦДЛ, что в середине 80-х пришли работники КГБ и стали требовать, чтобы он пожаловался Пименову, что вот, мол, Кедров идеалист. Вот уж поистине не то Гоголь, не то Щедрин.

Итак, вот общая схема.

1958, 30 августа, Измайлово, полночь – выворачивание (инсайдут).

1959, февраль – первая подборка стихов в газете «Комсомолец Татарии». Описание инсайдута – стихотворение «Страна печали» – в подборку не вошло. «Это просто мамонты прокричали, но ведь их все равно никогда не услышат люди».

1960 – Михаил Светлов (с утра пьяный) принимает меня в Театральном переулке. «Про мамонтов не надо, все это есть у какого-нибудь вишивого Бодлера. Ты же будь комсомольцем в поэзии. Гори, как эта спичка», – и тотчас сломал спичку о коробок. И еще привел меня в смущение, предлагая какие-то деньги и обещая напечатать в «Литературке». Даже звонил туда и что-то бормотал. А ему в ответ предложили написать статью о визите Хрущева в США и предстоящей беседе с Эйзенхаузером. В этом же году написана «Бесконечная». Выхожу к метаметафоре.

1967 – защита диплома (на отл.) «Влияние геометрии Лобачевского и теории относительности на поэзию Хлебникова».

1969–1972 – аспирантура Литинститута на кафедре русской литературы. Руководители проф. В.Я.Кирпотин и С.Я.Машинский.

1973 – защита диссертации.

1974 – начал преподавать в Литинституте.

1975 – встреча с Паршиковым, Еременко, Ждановым.

1976 – первый вечер трех поэтов в ЦДРИ.

1978 – поэма «Допотопное Евангелие».

1982 – публикация в «Новом мире» статьи «Звездная книга», где впервые употреблен термин «метакод».

1984 – создан термин «метаметафора». Публикация в «Литературной учебе» вступления «Метаметафора Алексея Паршикова» к его поэме. Стихотворение «ДООС».

1985 – манифест метаметафоры «Компьютер любви».

1987 – «Партант» и «Верфлием» (преобразование грамматики).

1988 – «Комментарий к отсутствующему тексту».

Фестиваль международного авангарда в г. Иматра (Финляндия), первая зарубежная поездка. В сентябре действие ДООСа «Разомкнутый квадрат» в концертном зале Олимпийской деревни.

1989 – вечер «Минута немолчания» во Дворце молодежи. Знакомство с Г.Сапиором и И.Холиным. Книга «Поэтический космос». Вечер ДООСа в ЦДЦ. Поездка на поэтический фестиваль в город Тараксон (Франция).

1990 – сборник «Компьютер любви». Участие ДООСа в

программе авторского телевидения «Шок-шоу» – первый поэтический клип на советском телевидении.

1991 – поездка с Генрихом Сапгиром на поэтический фестиваль в Париж. Первый фестиваль палиндрома, организованный поэтом Германом Лукомниковым – Бонифацием, где ДООС представляла Елена Кацоба. Над зданием напротив Курского вокзала бежит огненная строка палиндромов.

1993 – апофатическая поэма «Утверждение отрицания», «Поэма Зверя», поэмы «Таблица умно-жения», «Нуль Леонардо». Создание Поэтического лицей при Гуманитарном фонде им. А.С.Пушкина и издание сборника «Поэтический лицей Константина Кедрова».

1994 – сборник иероглифической поэзии «Ad verbum» совместно с Еленой Кацобой, оформленный Михаилом Молочниковым.

Первый сборник ДООСа (художник Виктор Корольков).

Книга «Веरфлем. Стихи и стихии». Книга «Гамма тел Гамлета» – итог анаграммы «Допотопного Евангелия», комбинаторики «Свалки». Е.Кацоба включила изобразительные стихи С.Сигея, которые встретил в книжке Сергея Бирюкова. Союз Академии Зауми и ДООСа.

1995 – вместе с Сапгиром и Холиным создаем «Газету ПОЭЗИЯ», вместе участвуем в первых вечерах поэтического салона «Классики XXI века» Р.Элининой и Е.Пахомовой. Поэма «Кантата Канта». Вечер в музее В.Сидура и сборник «Или он, или Ада, или Илион, или Илиада». Книга «Вруцелет, или Одежда Жанны. Стихи и поэмы».

На фото (слева направо):
Белла Ахмадулина, Борис Мессерер,
Константин Кедров,
нидерландский славист Виллем В.Вестстейн,
Геннадий Айтги.

1997 – выступление ДООСа в Амстердаме вместе с Геннадием Айтги и Беллой Ахмадулиной. Сборник стихов «Улисс и Навсикая». Слияние нот и анаграмм в цикле «Миредо».

1998 – двухтомник ДООСа, состоящий из сборников, созданных Еленой Кацобой и мной на компьютере (1994–1997).

1999 – «Новые ДООСские» – сборник постоянных и новопосвященных ДООСов, а также друзей ДООСа. 15 февраля 1999 г. в интернет-кафе «Скрин» в ДООС были приняты: музыкант Сергей Летов, композитор и поэтесса Алла Кесслерман, художники Владимир Опара и Новая ДООСская

художница Алена Мартынова. 30 мая в ДООС вступил Андрей Вознесенский в звании Стрекозавр. Такое же звание было присвоено поэту Генриху Сапгирзу. Философ и поэт Вадим Рабинович стал Доссозавром. Позднее к ДООСу присоединились лингвозвар Вилли Мельников и заузвар Сергей Бирюков. В ноябре по рекомендации Г.Сапгира я избран президентом Ассоциации поэтов ЮНЕСКО в России. Поэма «В'южный ферзь».

2000 – Первый Всемирный день поэзии в театре Юрия Любимова на Таганке. Книги «Метаметафора» и «Энциклопедия метаметафоры», «Газета ПОэзия» становится «Журналом ПОэтов» и выходит как буклет конгресса Пен-клубов в Москве.

2001 – Второй Всемирный день поэзии в театре на Таганке и в музее В.Высоцкого. В издательстве «Мысль» выходит книга «Инсайдайт». Я становлюсь деканом Академии Пoэтов и Философов при Университете Натальи Нестеровой.

2002 – полное собрание поэтических сочинений «Или» («Мысль»). Выступление ДООСа на фестивале французской и русской поэзии в Париже в Сорbonne...

2007 – выходит первый том «Антологии ПО» – 20 номеров «Журнала ПОэтов» под одной обложкой с сохранением формата, содержания и оформления.

Затем в разные годы: фестивали в Праге, Киеве, Вене, в Крыму, в Сцеle; пресс-конференция «Журнала ПОэтов» в ИТАР-ТАСС, журнал становится цветным, рассыпается по всему миру по факультетам славистики и библиотекам.

2014 – Маргарита Аль основала издательство «ДООС». Вышли серии книг «ДООС-поэзия» и «Авторы ПО», моя документально-биографическая мистерия «Голоса», три тома «Антологии ПО».

2016 – 21 марта 16-й Всемирный День поэзии ЮНЕСКО празднуем в Калининграде в Кафедральном соборе.

Прочно вошла в обиход когда-то раритетная аббревиатура ДООС. Укоренились мои термины: метаметафора, метакод, инсайдайт. Теперь это уже не только раритеты, а понятия без которых не обойтись.

Константин Кедров

От натюрморта к натюрвіту

Позвольте предложить вам вид
Не натюрморт а натюрвіт
Пусть эта истина не нова
Поэзия – есть vita nova

Мои стихи не обиталище
А витанове vitalitалище
Витай со мной из слова в слово
От Казанова к Vita Nova

И пусть вспорхнёт сия палитра
Из натюрморта в натюрвіта
Ты весь как Моцарта аккорд
С холстов вспорхнувший
натюрморт

* * *
Я как капсула времени
что открылась до времени
Капсула времени
Капсула в ре и ми

* * *

Пройдя сквозь все обиды и невзгоды
Я становлюсь явлением природы
Со мной конечно связан стрём-экстрим
Скорей всего я всё-таки Гольфстрим
И теплоту дарю вам и прохладу
Я тот Гольфстрим что разметал армаду

* * *

Уже как одуванчик голова
Уже на кладбище Айги и Пригов
Уже из мёртвых выросла трава
А из живых образовались книги

Как странно ночью жизнь свою листать
Блуждать по лабиринтам своих строк
Ещё могу свои стихи читать
На небесах – но только в телескоп

Роммель и Кромвель

Я родился – на меня шли танки Роммеля
Никому не нужен кроме Кромвеля
Скажете – здесь смысл весьма заужен
Знаю – я и Кромвелю не нужен

Однако же ещё и темя племя бремя
Да бремя в теме да и темя в бреме
И жизнь животных и конечно Брэм
И бремя жизни и конечно Билли Грэм
Мы с ним беседовали ровно два часа
То время незаметно пробежало
Мол Слово Божие уносит в небеса
Да Библия его преображала
Ах Билли Грэм мой собеседник Грэм
Герой ещё не созданных поэм
С утра за Библию – а я-то сладко сплю
И всё терплю терплю терплю терплю

Слыщать видеть и обидеть
Гнать держать и ненавидеть
И дышать смотреть вертеть
И зависеть и терпеть

Фото Елены Кацобы.
Крым, Казантип, 2016 г.

Сергей Бирюков

доктор культурологии

ДООС – заузавр

ДОМ СТРЕКОЗ DOM СҮЕКОЗ

В Токио, в магазине канцелярских товаров мне бросается в глаза надпись на упаковке ластика «TOMBOW»

— Кто это пишет с ошибкой название моего родного города?! — мысленно воскликнула!

Впрочем, в давние времена было и такое написание.
Немедленно покупаю стёрку для дальнейших
исследований!

Возможна еще одна версия происхождения названия!

Итак: рядом с надписью маленькое изображение некоего насекомого. Выясняется, что это стрекоза.

Анализ текста показывает, что слово TOMBOW по-японски как раз и будет «ст्रекоза». Далее логика подсказывает, что первыми поселенцами Тамбова были японцы!!! Недаром мой друг японский поэт и славиcт очень уютно чувствовал себя в Тамбове (вернулся на родину предков?).

Очевидно, что поселившись в этих местах (как они сюда добрались – особая история и загадка для романистов!), японцы увидели много стрекоз. Каждой стрекозе они кричали *Tombow*, *Tombow*, *Tombow!*

Донским казакам, которые прибыли сюда по просьбе царя Алексея Михайловича Тишайшего, чтобы построить крепость для защиты от набегов степняков, ничего не осталось как назвать крепость (переосадив затем в город) «Тамбов».

Как известно, безударное О в русских говорах легко переходит в А.

А может быть все было как раз наоборот?! И на тамбовском гербе вместо пчел могли быть стрекозы

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ

Арт-книга
по стихотворению
Елены Кацюбы,
2016 г.

шёлковый путь к сердцу женщины?

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Молитва матери

сегодня никто не убит
сегодня никто не убил
и завтра бы продержаться
и завтра бы отстоять
так важно сказать и завтра
сегодня никто не убит
сегодня никто не убил

ЛНР

по городу бродят ангелы
по городу бродит смерть
взявшись за руки
взявшись за руки стоят памятники
деревья стоят взявшись за руки
в небе стрижи встревожены
нет разомкнутых рук
парки стоят и площади взявшись за руки
взявшись за руки
дети в подвалах спят
взявшись за руки

Маргарита Аль в Луганске летом 2016 г. Фото Андрея Чернова, главного редактора альманаха «Крылья».

Луганский информационный центр. Торжественная церемония награждения серебряной медалью Всероссийского Литературного Фестиваля ЛиФФт-2016 поэта Александра Сигида-младшего.

Слева направо: Александр Сигида-младший, главный редактор журнала «ЛиФФт» Маргарита Аль, председатель Союза писателей ЛНР Глеб Бобров.

* * *

и пока не повенчаны горизонт
с вертикалью
и пока время и пространство
не дадут клятву верности ...
идут слова на слова
идут полчищами
идут континентами
идут полумёртвые
идут голые
идут обескровленные
идут одурманенные
брошены мундиры метаметафор
знамёна брошены
и только в небе стрижи как знамение
и только ангелы ещё на стороне поэта

* * *

всё чаще возвращаюсь в круг
очерченный словами
здесь можно не дышать
а что если сердце и есть вселенная
и руки как зеркало
нежно несут вас к пристани

однажды
у этого слова два ударения три удара
и так далее
этот остров без ограничения
так стаями летят птицы
так созвездиями летят звёзды
так вселенными летят люди
ничего лишнего
только любовь

Москва. Триумфальная
площадь. Май 2015 года.
«Бессмертный полк».

Молодым учителем ушёл на
войну отец Анвара
Альмухаметова Назиб
Алимухамедович Абхаликов.
Он дошёл до Эльбы, где
состоялась встреча советских
и американских войск. Там
произошел знаменитый
исторический эпизод
братания. Солдаты дали
обещание назвать своих
будущих сыновей именами
сопротивников в борьбе с
фашизмом. Двух старших
сыновей Назиб назвал Альберт
и Роберт. Остальных – в честь
своих однополчан: Роман,
Рашид, Анвар, Фирдоус.

Следы обстрелов и бомбёжек на телах
памятников в центре Луганска.

* * *

о ветры солнечного круга
явите мощь
пред немощью судьбы
пусть
небо превратиться в поле боя
пусть
поле боя превратиться в небо

Слева направо (верхний ряд): Зулайха Кунусбаева, Наташа Литвинова, Жанна Матвеева;
(нижний ряд): я, мой брат Серёжа, Лара Лысенко. Снимались фотоаппаратом «Смена-8», с автоспуском.
Казань, у меня дома – улица Дмитрова, дом 3, до сих пор стоит.

ФОТО

Повинуясь пальцу
разошлась – сжалась розетка
жук звука метнулся
стянулся свет с лица маской
растекся чернью на серебре
Теперь я – негритянка седая в темном окне
живу здесь
где всего тридцать шесть
окон и всегда ночь – но
видно меня насквозь и сквозь меня видно
Бумажные зеркала купает ванна
хранят тайна темную комнату
Только красный фонарь в нее проник:
у любой белой девушки
есть черный двойник.

1997

12

Здесь мы дома у Наташи. Компания та же, только без Жанны, она уже учится в театральном училище, а нам подарили еще год детства-отрочества – 11-й класс с производственным обучением, учимся на портних. Вторая слева – Галия Морозова, она ушла в вечернюю школу.

СОН

Из поэмы «Мебель жизни»

Вдруг приснится
шкаф из времени детства
однажды
полный одежды
плотно забитый всем позабытым
платье с юбочкой «солнце» из ситца
в нем так приятно было кружиться
мамины платья до которых я доросла
обогнала и выросла из подростка
Любимая юбка
цвета неба в облачной дымке
белые пуговицы до подола
называлась такая юбка
«мужчинам некогда» – шутка
не очень понятная мне тогда
первый свитер для школы – черный
когда разрешили ходить без формы

первые брючки сшитые на заказ
узкие длина до щиколотки
прямо как сейчас
а дальше платьица мини на плечиках
каждое – чудо,
сшитое за один вечер
яркие разные
тетки в троллейбусе: «Безобразие!»
Пальто цвета сирени
на одной пуговице размером с блюдце
«Осторожно, двери закрываются!»
смыкаются дубовые двери
шкаф ушел по маршруту вверх
следующая остановка –
обновка

2015

Александр Петрушкин

Кыптым

***

Статичен твой фотоаппарат,
любитель холодов, угрозы
прихода снега в тёплый март
из занебесной своей позы.

Спит человеческих певец
и давит виноградин нежных
ещё белеющую плоть.
Сугробов, как стада поспешных,

спит человеческий птенец
в кругу подводных своих сосен
и ходит по нему то лес,
то проходящие им лоси.

И у него, меж узких губ,
сочатся сны, как кровь по дёснам,
и лес растёт почти живой,
пока его вплетают в вёсла

свои пловцы и зимовать
летят сквозь кадр до половины
то чайки с неживым лицом,
то проводницы, что безвидны

растут посередине сна
из древесины и вагона,
и груди их за тьмой звенят
на тесных долгих перегонах.

О если б ты меня в своём
испуге смог на дне заметить
то был бы смазан этот слайд,
как свет, что выбит на олене,

переходящем вброд свой сон,
как бы охотников и стужу,
что связаны внутри его
как свет или – возможно – туже.

Идёт из фотографий снег
и падает в тебя сквозь веки:
он лёгкий так, как будто смерть
придёт навеки.

Виктор Загумённов «Оленеводы Севера».

Золотая медаль международного конкурса «Уорлд пресс фотоАВТОРЫ»

Оленеводы Севера.

Гордые,

мужественные,
берегущие свои
национальные
тradиции люди.

Они живут на земле
своих предков –
на полуострове

Ямал, что на
побережье
Северного

Ледовитого океана.
Ямало-ненецкий

национальный округ.

Приуральский

район, совхоз
«Байдаратский»...

Снимок отмечен
золотой медалью
международного
конкурса «Уорлд
пресс фотоАВТОРЫ»

/Амстердам/.

На днях эта награда
вручена в Москве, в
агентстве печати
«Новости», автору
снимка – молодому
фоторепортеру

Виктору
Загумённову.

Владислав
Запорожченко
(1935-2016)

Галина Якубовская

Путешествие к Северному Ледовитому океану на остров Диксон в ноябре 1979 г., чтобы увидеть Северное сияние.

Командировка, чтобы написать картину для выставки «Голубые дороги Родины». Путешествие на ледоколе «Ленин».

Северное сияние видели в полном экзотическом соединении – в отражении неба в воде. Полное растрепорение в мерцающем, сияющем, переливающемся пространстве сверху, и снизу, и вокруг.

На лодке высаживались на берег, и для эвенки угощали турханской селедочкой и подарили нам меховые тапочки. Один подарил мне песцовую шапку, а я написала его портрет.

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепропетровск

* * *

Ноябрь, декабрь! Трудны, будто слово «верлибр». Сложны, как прогон, репетиция ночи полярной. Невнятные дни, сновидений запутанный мир, И часто не спится под ватною толстою кармой.

Меж утром и вечером есть драгоценная щель. В подъезде сырому прошловековый ящик почтовый. Балдеем, хмелеем, ну просто шизеем вообще, Когда получаем письмо: солнца новое слово!

Ноябрь, декабрь! От нас убегающий год. А мы - от него. И в минуты большого калибра Вставляем желание наспех. Актриса поёт. И хочется солница-лубка, а не ночи-верлибра...

Андрей Цуканов

Эти стихи были написаны на рубеже эпох – советской и «лихих 90-х» – в 1988 году, публично прочитаны в этом же году при вступлении в литьо «Сретенский бульвар», руководителем которого был Леонид Жуков, немного спустя организовавший легендарный Всесоюзный Гуманитарный Фонд им. А. С. Пушкина, в котором вышла моя первая книга стихов «Акт» (М., ВГФ им. А. С. Пушкина, 1992, предисл. Григория Померанца), где и были напечатаны эти стихи, напрочь забытые и больше много не читаемые публично. Спустя почти 30 лет я прочитал их в кругу людей в возрасте до 30-ти лет, и обнаружилось, что приметы времени настолько поменялись, что эти стихи совершенно непонятны современной молодой публике. Поменялась сама атмосфера жизни: мало ктопомнит, что в центре была гостиница «Россия» и кинотеатр «Зарядье», что была сеть специальных магазинов «Березка», где иностранцы и «выездные» граждане страны покупали товары на чеки, выдаваемые взамен валюты, иметь которую на руках было запрещено, что соки продавали только отечественные – в трехлитровых стеклянных банках, и т.д. Уж не говорю о том, что тогда слово «пленка» твердо было связано с фотоделом, и ее надо было «проявлять» и «закреплять».

* * *

Как по Красной, по Красной площади
Ходят-броят иностранные люди,
Мавзолей фотографируют «Кодаком»
И подходят к Лобному с трепетом.

А на ГУМ совсем не глядят.

А потом к «России» спускаются,
Выпивают виноградного сока,
Натурального сока с Кипра,
И заходят они в «Березку».

А в «Зарядье» совсем не заходят.

Из «России» они чемоданы выносят
И садятся с ними в «Икарусы»,
На «Икарусах» в Шереметьево едут
И оттуда они улетают.

Вспоминают теплые встречи.

Прилетают они домой,
Приезжают к себе на квартиру,
Проявляют из «Кодака» пленку.
Гасят свет, садятся и смотрят
Мавзолей и Лобное место.

А на ГУМ совсем не глядят.

Борис Бартфельд

Калининград

ГЛОТОК СВОБОДЫ ШЛОТК СВОРОЮРІ

Kaunas
1983 год

Ни победителем, ни побеждённым,
Никем, одним из многих тысяч,
Заложником времён
Ты возвращаешься туда, где прежде был,
Но так давно, что кажется – до новой эры.

Мы прибывали на вокзал к обеду.
Нас не влекли ни вещи, ни еда,
Нас влекла свобода – так называлась аллея,
Та, что прямиком вела к собору и ратуше.
Мы шли по ней и, в самом деле,
Вскоре ощущали во рту солёный свежий вкус,
Хоть моря рядом не было.
И значит, то был вкус свободы,
И мы глотали воздух этих улиц.
Нам казалось, что это улицы
Стокгольма или Праги;
Нет, после шестьдесят восьмого – не Праги,
Скорей Брюсселя или Кёльна.

Там был один подвалчик, почти у ратуши,
Под землёй, как в катакомбной церкви,
Был храм фотографов.
С разбегу мы туда ныряли
И всплывали
Среди мадридских улиц иль в Киото.
Часами мы бродили меж домов
И замирали у освещённого окна,
Где в комнате без мебели
Нагая испанка
Стучала каблуками, перебирая ритм
В изысканном фламенко.

Лишь поздним вечером въезжал наш поезд
На родной перрон,
И патрули своим
Тяжёлым шагом подтверждали,
Что мы вернулись в наш свободный дом.

Татьяна Зоммер

ДООС – зоммерзавр

обратная перемотка в красном свете

обратная перемотка времени
пространство рукой раздвигает
шторки объектива

двоое в темной комнате
на двери вывеска – не входить –
идет непрерывный фото-процесс
лица на сцене окрашены красным светом
время выхватывает серые уже растровые колени
впивается в пухлые уже ч/б губы
уходящий профиль любимого человека где ты
нетерпеливый стук в дверь:
– вы скоро? – да размножайтесь быстрее, мматрицы...
– немного осталось...

вся жизнь – только экспромт
отдвигающий защелку времени
сыгранный в сценическом напряжении этюд
в жизни так не-бывает
не живут – не переигрывают

я проявляю – ты печата-ешь
затаив дыханием время
или – наборот
ты проявля-ешь губами –
я печа-таю время с затаенным
дыханием
черно-белым поцелуем в самую глубь

стук сердца в самую дверь разума:
– машина уходит в типографию
без ваших снимков
время встревает между кадрами и шепчет в красное ухо:
– хотя бы еще пару фото... – на память...

и только потом – отъезд
за границу
фото-памяти

Роман Данилюк

Санкт-Петербург

О НЕЙ ГОВОРЯТ НА ФРАНЦУЗСКОМ

Этой ночью она выводила круги.
Я заштриховывал.
Получилось не очень хорошо,
с моей стороны.

Получил футляр от скрипки,
в кошачьих волосках.
Ее кошка любила в нем спать.

Припомнил недавний разговор,
честно говоря,
состоящий из гласных.

Пролистал альбом фотографий,
напоминающий отдаленно
детские представления
о жизни.

Воспользовался ее советом:
ненужные и тяжелые мысли
протирать время от времени
тряпочкой.

Не знаю, сколько ей лет,
но сегодня мы решили,
что она взрослеет меня на один день.

А иногда
я спокойно лежу рядом
и помалкиваю,
потому что о любви говорят на
французском
и на всех остальных языках мира.

Владимир Друк

друг ДОСа
Нью-Йорк

Зажигаем по-детски!

Стихи Володя начал писать позже.

●
в огороде дядя Коля
извлекал квадратный корень
дергал-дергал: не идет!
так и бросил: пусть растет...

●
в барабан, как в трубу
дует ветер бу-бу-бу
это Петька-хулиган
продырявил барабан

●
я залез под одеяло
оно форму поменяло
угадают ли друзья
что под одеялом – я?

Петр Кобликов

ДОСС – энтомозавр

* * *

Что ты трепещешь и, кажется, будто не веришь нам?
Мы заглянули в огромные эти глаза
И отпускаем тебя осторожно и бережно...
Ветром несомая, вдаль улетай, стрекоза!

Пётр Кобликов с братом Ильёй. 50-годы.

Акифуми Такеда

Тояма

МАМИН АЛЬБОМЧИК

Галина Мальцева представляет детский альбом своей мамы Елены Владимировны.

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа
Прага

ФАВОРИТ АЛМАЗОВ

Молчалив, искрист и вечен,
То ли дремлет, то ли спит.
Он по форме безупречен,
Средь алмазов – фаворит.
Мудрый и немногословный,
Чей-то и всегда ничей.
Свет его мерцаet, словно
Миллиарды тонн свечей.

Он летел к земле в тумане
Миллиарды долгих лет
И не знал, что чудом станет
Под обломками комет.
И теперь он смотрит гордо
Нам в глаза, молчит, молчит...
Так в глаза смотрел он лордам,
Он – алмазов фаворит.

Сколько крови, слез и пота
Пролито из-за него...
Да, нелегкая работа –
Быть хозяином его...
Умирали, взгляд последний
Грел, ласкал алмазный блеск.
Никогда он среди бедных
Не искал себе невест.

Он среди богатых только,
Их меняют лишь года,
Не привязан он николько
Ни к кому и никогда...
Мудрый и немногословный,
Чей-то и всегда ничей.
Свет его мерцаet, словно
Миллиарды тонн свечей.

01.02.2008 г. Москва

Ирина Силецкая "Взгляд"
(холст, масло), 2015 г.

Елена Свечникова

кандидат культурологии
Минск

СЛОВА СЛОВА

Слова – самое дорогое, их и храню.

Это следы доинтернетной эпохи. Кто мог представить тогда, что совсем скоро письма отомрут, переселятся в «метафизический» виртуальный мир? Пожелавшие листочки хранятся так долго, что я уже не помню фамилии авторов трогательных, глубокомысленных и наивных посланий.

Девочка, девушка, женщина шла по канве, будто вечная Золушка. А принц все не приходил.

Иногда чувства без названия – первые незрелые эфемерные симпатии – обязаны остаться невысказанными. От них остаются воспоминания... или фотографии.

Самая дорогая, самая первая записка была получена в пионерлагере. Я уже закончила пятый класс и казалась себе такой взрослой! И случилась «дуэль», серьезная и безмолвная. Две девочки, караглазый веснушчатый мальчик в провинциальном пиджачке. Никто так и не сказал ни слова о своих чувствах. Но вот однажды... С каким волнением я развернула крохотную четвертышку! Записка была написана красивым почерком (застенчивый влюбленный явно прибег к помощи вожатого) и гласила: Елена Свечникова, кого ты любишь? Ах, если б я знала! На такие вопросы трудно ответить даже самой себе.

*

Всегда любила умные и смешные письма. В начале 90-х стали популярны знакомства по объявлению. Сам процесс – найти в газете что-то действительно нетривиальное, сложное. И вот я вижу объявление: «Студент Володя ищет невесту». Даваясь от смеха, тут же посыпало телеграмму: «Кольца куплены. Выезжай». Приходит ответ: «Доставайте кольца, выезжаю. Володя». А потом мы вели захватывающую переписку, и оказалось, что это почти бергераковская история: за бессловесного и незаметного студента сочинял послания умный и некрасивый друг.

*

Разные странности обнаруживаются в письмах. Однажды поэт сэкономил на стихах и написал: «Посылаю тебе новые стихи. Если тебе они понравятся, то считай, что они посвящены тебе. Помню сердцем». Царапнуло: как это – считать, что посвящены? Выяснилось, что задело не случайно: экономный автор использовал стихи, посвященные моей тезке, впоследствии ставшей его женой. Хорошо, что всё прошло мимо – но что прошло, милым не стало ☺.

*

Некоторые умудряются выражаться в стиле Фрэнсиса Чеснэя («Донна Роза, я старый солдат и не знаю слов любви...»). Признание военного: «В последние минуты нашей прогулки я совсем «проглотил язык» (с подчиненными у меня такого не бывает). Мои знакомые девушки были либо высокомерными, либо глупыми. Но 30 декабря в моем отношении к девушкам возникла революционная ситуация после встречи с тобой на вечере, а вчера эта революция свершилась. По моим требованиям к девушке, ты являешься совершенством».

*

Иногда в скромном конвертике с невинной картинкой приплывает твоя личная жизненная Катастрофа. Ах, если бы я не ответила на письмо!

*

Одна записка – тайная – меня умилила. Любимый потерял меня – уж и не помню, куда я уехала, что случилось. Приходит, а дверь заперта. И он оставил самую красноречивую и самую бессловесную записку: знак вопроса, вырванный из листка бумаги. Такая кричащая вопрошающая пустота. Это была любовь!.. Храню этот знак до сих пор.

*

Заядлые рифмоплеты, конечно, посыпают стихи и стараются красиво выражаться: «я не имею права умолчать о живом ключе разума и любви, который бьет в мир наши через...», далее следует имя модного мистического гуру, а затем: «Думаю, как сделать твою жизнь прекрасней! Но что я могу!». Слова, слова... Чистый вакум.

*

Поэты милы, когда они решительны: «Собственно, я решил, что ты будешь жить у меня. Этому может помешать только землетрясение, извержение вулкана и тому подобная force majore, и то только в том случае, если ей (силе) удастся разрушить мой дом». Поэт даже представить не мог, что этой силой станет его собственная измена.

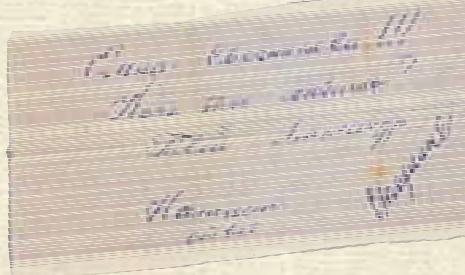

Специально для ПО

Золушка в голубом платье с блестками – это я. Самый романтичный возраст, класс восьмой, год 88. Вильнюс.

*

А это мой черновик двадцатилетней давности (наивность многолетней выдержки ☺): «Что может быть бессильнее слов, когда в соприкосновение входят два различных мира? А суть всё та же: Одиночество, Печаль, может, и богооставленность. Нелюбовь или утрата Любви. (...) И пытаемся спастись с помощью заклинаний: «Пусть так будет всегда». А может, и страшно – «так всегда»? А может, мы слишком хорошо понимаем, что «всегда» невозможно?».

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Жить недолго мне уже на свете,
Пару лет, не больше,протяну.
Над Каспийским морем
дует ветер,
Разгоняя пенную волну.
Вспоминая времена
лихие,
К берегам доступных
прежде стран,
Рвется несвободная стихия,
Чтобы возвратиться в океан.
Над пустынным берегом осенним
Небо хорасанской синевы.
Здесь искал спасения Есенин,
Но не отыскал его, увы.
Для чего сюда впадают реки,
Если нет возможности, друзья,
Ни в варяги плыть потом, ни в греки,
Ни в другие дальние края?
Потому что для любого судна,
Сколько бы ни создавали флот,
Ни один здесь ветер не попутный,
К дальним берегам не поведет.
Не с того ли, крикам чаек вторя,
И гоняя мусор по песку,
Дует ветер
над Каспийским морем,
Вызывая вязкую тоску?

20.07.2015

ЛУННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В наше время, так же, как когда-то,
В давние века, из года в год,
Лунный календарь смешает даты,
Потому что все вокруг плывет.
Подчиняясь этой теореме,
Я считаю, прочим вопреки,
Что плывет невидимое время
Так же, как плывут материки.
Праздничные дни и дни рождения,
Что по жизни помнить мы должны,
Мудрое связало Провиденье
С fazами изменчивой Луны.
Чтобы, жизней увеличив сроки,
Горестных не ожидая бед.
Жили мы, как древние пророки,
Сотни лет, а не десятки лет.
Чтобы, вспомнив огненные выюги,
Свист снарядов, и сирены вой,
Не считали время мы в испуге
От Второй до Третьей Мировой.
И, забыв безрадостные были,
Чтя заветы ветхие, как встарь
Счастливы бы мы, возможно, были,
Перейдя на лунный календарь.

2016

* * *

Удается с годами все реже
Разглядеть за деревьями лес.
Маяки у морских побережий
Заменяет теперь GPS.
Заметает метельная крупа
Поколения нашего след.
Наши книги с бумагой хрупкой
Заменяет теперь Интернет.
Далеко мы от прошлого века,
Ты обратно его не зови.
Там, где в моде парад гомосексов,
Места нет старомодной любви.
Неужели не хочется все же,
Допотопный тот век возвратив,
Рисовать, чтобы было похоже,
И придумывать к песне мотив?
В наши дни, где безрадостны вести,
И понятия все смешены,
Нету места для авторской песни,
Для негромкой гитарной струны.
Что ни день, голоса наши тише,
Вновь орудий грохочут басы,
И никто нас сегодня не слышит
В оглушительном вое попсы.

2016

22

Валерий Мутин

ДООС – стрекозавр
с. Пречистое

В БОЧКЕ ПО ЕНИСЕЮ В РОНКЕ ПО ЕНИСЕЮ

Не было б ночью поновки, эти следы я принял бы за свои: тот же размер, та же насечка на подошвах... Но ведь с вечера, я помню, снег над тайгой порхал. На Ивана никак нельзя подумать, он вообще в другом распадке охотится, и по моему путику – тайной охотничьей тропе – не ходит, я один здесь бываю. Так кто же это ночью на мой участок забрёл? Распутывая чужие следы, постепенно понимаю, что ничего подозрительного в них нет: просто кто-то заблудился в потёмках и, зная о нашем с Иваном зимовье, искал ночлег. Но не нашёл и спустился с горного гребня в соседний лог.

– Одичал ты, брат, в тайге всего две недели пробыив, человеческих следов испугался, – укоряю сам себя. – Не пора ли тебе домой, к семье возвращаться?

Эта неожиданная мысль не оставляет меня в покое весь день. Более того, всё моё нутро начинает ныть от предчувствия какой-то неминуемой беды... И вправду, не случилось ли чего-нибудь дома?

Вечером спускаюсь с перевала, где кто-то наследил, и, надрав с упавшей от старости берёзы на растопку бересты, возвращаюсь в избушку. Охота не задалась, добыли мы с Найдой несколько белок – вот и всё «поле».

Истопив печку, согреваю душу горячим чаем, шкую белок и тушками кормлю собаку. Покончив с делами, заваливаюсь на топчан, но сон не идёт. Может, филин виноват? Знай себе ухает в потёмках за оконцем. Каждую ночь, словно по расписанию, прилетает он к нам. Что его здесь привлекает? Может, мясо чует, которое хранится в ящике-лабазе, что к дереву недалеко от избушки приколочен?.. Впрочем, мы с Найдой филина не трогаем: все ж таки какая-никакая, а живая душа рядом обигает. Этот ушастик для нас одновременно сторож и лесное радио.

Не выдержав, встаю с топчана и, накинув на плечи фуфайку, выхожу за дверь. Морозит. Всё вокруг – и остроконечные пихты, и кудрявые кедры, и оголённые ветки лиственниц – словно нарисованы разбавленной тушью на фоне звёздного неба. Из-за серебристой вершины горы Борус восходит огромная луна.

С минуту неподвижно стою заворожено, любуясь природой, смотрю вдаль... И вдруг, ни с того ни с сего, приходит мысль: надо идти домой! Прямо сейчас, не дожидаясь утра.

Возвращаюсь в избушку и начинаю собираться. Впрочем, собираю-то нечего: осталось положить в заплечный мешок десяток беличьих и пару соболиных шкурок, термос с чаем да несколько оставшихся сухариков.

Найда встаёт с подстилки у дверей и подходит ко мне, помахивая хвостом. Глядит на меня, будто спрашивает:

– Куда это ты, дурачок, средь ночи идти надумал?

Домой пойдём, Найда, домой. Давай-ка на поводок тебя возьму, меня-то и ночью в тайге ни один зверь не возвытёт, а тебя волки съесть могут.

Собака безропотно даёт надеть на себя ошейник, и мы выходим из избушки. Только тут, выйдя на залипую лунным светом тропу, я задаю себе самому вопрос: а куда, собственно, мы идём? Ну часок за пять доберёмся до Енисея, а дальше что? На чем переплыть реку будем? Чёрнушки наши – на другом берегу, обычно мы переправляемся туда паромом, что ходят от посёлка Сизая. Но ведь ночью переправа не работает. Что ж это получается? Придём и до утра куковать на берегу будем?

Но тревога, поселившаяся в моём сердце, напрочь отсекает все рациональные опасения – мне и в голову не приходит вернуться в зимовье и переждать там до утра. Тут же созревает новая идея: переваливать через хребет и спуститься к Енисею по другому, Поилювскому логу. Там на побережье стоит пустая деревушка, обжитая с недавних пор дачниками; наверняка у каждого из них лодка есть... А вдруг повезёт!.. Найдётся для меня какое-нибудь судёнышко...

Держа собаку на поводке, поворачиваю на едва заметную звериную крутую тропинку, ведущую на гребень перевала.

Вообще-то, ходить по ночной тайге небезопасно: почти все обитатели леса ночью бодрствуют. Выходят на охоту медведи и волки, рыси и росомахи, соболя и колонки, вылезают из своих нор осторожные барсуки. Даже быстроногие лоси, маралы, косули и кабарожки предпочитают кормиться в тёмное время суток.

Но мне охотиться по ночам привычно. Живя в Ставропольском kraе, в Приэльбрусье, не только лис и зайцев, бывало, кабанов с ночной охоты привозил. Не впервые мне и в Саянах ходить по ночной тайге. Одно здесь этому препятствие для меня – угодья поделены между промысловиками-охотниками, а они ревностно охраняют свои территории от приезжих «любителей природы».

Учаяв какого-то зверя, Найда злобно лает. В хаосе звуков мой слух улавливает чьё-то громкое, недовольное фырканье, похожее на плевки: «Птьфу... птьфу...» Не иначе сам хозяин тайги на охоту вышел: ему перед тем, как залечь в берлогу, непременно миса наглотаться надо. Так и будет шататься по тайге пока не задерёт косулью или марала. Поэтому и зовут таких медведей «шатунами».

– Уступи дорогу, скотина! – с этими словами я стреляю в темноту поверх предполагаемой головы зверя.

Вспышка огня на время ослепляет меня, по распадкам катится гулкое эхо. После непродолжительной паузы в отдалении слышится угрожающий рев: струсили всё-таки мишка, ушёл с

тропы. Но и далеко уходить не стал: почти до самого перевала голосом давал знать, что идёт неподалёку.

За перевалом голый кругой спуск в Пойловский лог. Придётся спускаться прямо по заснеженной осьпи – курдумнику. По нему и днём-то идти не просто, а тут пусть и достаточно светлая, но ночь. Кое-как, набивая синяки и зарабатывая ссадины, сползаю на мягкому месте вниз к журчащему в камнях ручейку. Ну, теперь самое неприятное позади! Пройдя с километр вдоль по ручью, натыкаюсь на охотничью избушку. Из любопытства захожу внутрь. В избушке ещё достаточно тепло, хозяин, по-видимому, ушёл из неё не очень давно. Многие штатные промысловики в своих угодьях ставят на своей охотничьей тропе «путтику» – три избушки в разных местах: от одной избушки до другой – день хода, так и ходят они весь сезон по кругу, проверяя капканы и кулёмы на соболей и колонков. В избушке есть всё: и сухие дрова, и спички, и даже съестное. Но останавливаешься надолго у нас нет времени. Пока луна за гору не зашла, надо идти вперёд, точнее – вниз по распадку.

С каждым пройдённым километром пейзаж меняется: горные хребты становятся выше, лог – просторнее, даже сама тропа кажется более торной и лёгкой. Вот и пойма речки Пойлово, давшая имя некогда небольшой сибирской деревушке. Уже слышно, как вдали на порогах беснется Енисей (ниже плотины на многие километры после того, как начали заполнять водохранилище, река не замерзает).

До Черёмушек осталось всего каких-то восемь километров, рукой подать. Только вот дорогу пробили по другому, левому берегу. Деревня попала в подтопляемую зону вспомогательной Майнской плотины, и жителей переселили в Саяногорск и посёлки. Теперь тут дачи.

Обойдя побережье, не нахожу ни одного судёнышка. Тускнеющая на глазах луна и неутихающая душевная тревога подгоняют меня: надо как-то переправляться. А, может, все-таки переночевать в одной из пустующих изб? Увы, на дверях каждой из них висят замки, а взламывать двери для меня непозволительно. Добраться до своего посёлка по берегу тоже невозможно: до самого Карловского створа Енисей обрамляют отвесные скалы гор.

На глаза мне попадается двухсотлитровая железная бочка – из тех, что используют для полива грядок. Сумасшедшая мысль приходит в мою голову: а чем бочка хуже лодки? Главное ведь, чтобы не протекала, а что до вместительности, там нас-то с собакой должна наплаву удержать... Вспомнилась песня: «Славное море, священный Байкал, славный корабль – омулёвая бочка». Бродята вон через Байкал на такой бочке переплыли, а Енисей-то все-таки не море. Почему бы не попробовать?

Качу бочку к воде и, припоминая теорему Архимеда, пытаюсь вычислить, насколько глубоко погрузится в жидкость наш двухсотоведёрный «сосуд» со ста лишним килограммами веса. Нет, критерий истинности – только практика.

Железный ковчег, покачиваясь, несётся мимо скалистых обледенелых берегов. Я глазу Найду по голове: только бы она сидела смиро! Начнет волноваться, прыгать – и бочка тут же зачерпнёт краем воды. Тогда пиши пропало. А что будет, если дно у нашего судна треснет? Хоть и сделана бочка из железа, но ведь неизвестно, сколько лет она на пойловской даче ржавела...

Но Пойлово уже далеко. Мы мчимся вдоль отвесных обледеневших скал, протянувшихся на многие километры. Теперь если даже и удастся

Валерий Мутин охотник.

подгрести к берегу, на скалы всё равно не вскарабкаться. Да и глубина у подножья скал большая, а до другого, нашего берега метров восемьсот будет. Но самое неприятное нас ждёт впереди: на страже, ниже по течению, посередине русла громоздится «Каменная деревня» – так местные жители окрестили скопление огромных валунов, больше похожих на притопленные в половодье дома. Эти пороги никем не минуешь, течение несёт нас прямо на них – и уже слышно, как шумит, беснуется там река. Одним словом, гиблое место.

Однако надежда на спасение у нас с Найдой ещё есть. Отбросив шест, я гребу руками, как вёслами, пытаясь как можно ближе подплыть к «нашему» берегу. Казалось бы, невелика разница, у какого берега тонуть, но сила самосохранения заставляет меня трудиться изо всех сил.

Руки мои коченеют от холода, а течение всё убыстряется. На какое-то время я сдаюсь и отдаю себя на милость Божью. Вот она, Каменная деревня! Такое впечатление, что не нашу бочку течением тащат на пороги, а они сами стремительно летят на нас из полумрака.

Простор реки внезапно тускнеет. Это луна, не желая, видимо, становиться свидетельницей моей нелепой кончины, зашла за высокие прибрежные скалы. Грозный рев воды, бьющейся о пороги, звучит в моих ушах, как рев квием, – смерть раскрыла мне навстречу свои объятия.

Мою бочку, как пёрышко, выносит на середину стружня. Крутизнясь, как центрифуга, она проносится между двух валунов. Теперь только бы в водоворот не заняло! Огромная водяная воронка проглотит нас, как мух!

Но и тут нас Бог спасает. И вот уже, плавно покачивая, грозные Енисейские волны мчат наш ковчег вдоль левого берега, и плеск этих волн кажется мне теперь похожим на аплодисменты. Словно сам Енисей рукоплещет моему безрассудному геройству...

К моей неописуемой радости бочка садится на мель лишь в десятке метров от берега. Умиротворённый, я покидаю судно и по пояс в ледяной воде бреду к берегу, таща за собой бочку с Найдой. А на берегу меня уже поджидает мороз – одежда мгновенно встаёт колом. С трудом сминая сапоги и выливая из них воду, окоченевшими руками рву торчащую из-под снега сухую осоку и кладу её внутрь сапог вместо намокших стелек.

С большим трудом выползаю на дорогу, таща за собой рюкзак и ружьё. Не подоспей срочно помочь, я превратился бы в сосульку. Но есть в Сибири неписанный закон – не бросать в беде товарища. Меня подбирает первая же проходящая машина и везёт домой в Черёмушки.

Квартира пуста, на столе лежит записка от жены, Супруга уехала вместе с детьми к себе в Ярославскую область – тяжело больна её мать, моя тёща.

Пока я отогревался в горячей ванне, пришла Найда. Впустил её в квартиру, плюхнувшись в кресло.

Владимир Квашнин
с.Саранпауль, Березовского района

ЛИЧНОЕ

Сколько там дано охотоведу?
Что молчишь, кукушечка, скажи!
Может, плону – в Питер перееду
К дяде Саше делать муляжи
Птиц своих, каких доохраняю
Скоро... Что-то я совсем раскис.
Из природы – лавку... Я не знаю...
И опять шепчу себе – держись!

И вчера, не выходя из джипа:
«Э, брателло, кто тут егерёк?
Вот бумага. Глухаря, ну, типа,
Завалить хочу, сходить на ток». У таких всегда и всё в порядке –
Ружья, документы, внешний вид:
«В пять утра жду завтра у палатки,
Если опоздаешь – без обид».

Нехотя лазоревые ресницы
Поднимал проснувшийся восток,
Собирались радостные птицы
В свой лесной заветный уголок.
Ну, а мы по насту, без дороги
Шли в ночи на тускную звезду...
И смотрели вслед лесные боги,
Чувствуя грядущую беду.

Я певца услышал на подходе.
Ладно, пусть охотник поглядит.
Мы – к нему и он затих, как вроде...
Да какое?! Вот же он сидит!
И брателло радостно-счастливый
Тут же взялся оптику тереть...
«Улетай, прошу тебя, родимый!» –
И стараюсь как-то пошуметь:
И стволом – об ствол, и сук – за свитер.
А глухарь сидит себе, поёт...
«Улета-а-ай!» Но грохнул сзади выстрел.
Слава Богу, он пошёл на взлёт.

Растворилось эхо на болоте,
Пряча взгляд, восход заледенел...
Он был мёртв. Ещё тогда, на взлёте.
Но и мёртвый на излете – пел.
Вдалек умчался ветер с чёрной вестью,
Тучи, свесив днища, дали течь...

Мне бы так – с достоинством и честью –
Встретить браконьерскую картечь

Александр Раткевич
Полоцк

ПЕСНЬ КОМЕТЫ ЧЕСНР КОШЕЛІ

Ионьским небом мяtek владеет,
земля в ночи замерла перстом;
среди созвездий комета реет,
пыля своим золотым хвостом.

Она пространство, как бисер, нижет,
в огне томяся, на иголку-деснь;
её никто из людей не слышит,
но мне она исполняет песнь:

«Не верь: позию время гложет.
Оно – недвижно, она – летит,
и разрывает, насколько может,
звено зациклившимся орбит.

Забудь «горячие» назиданья:
штрихи фантазии – перепев,
и потому, как цветок мечтанья,
стихи – забава юнцов и дев.

Но помни: главное для поэта
уже не формы и смысла клеть,
а, невзирая на логум-вето,
в душе **пластичностью** овладеть.

Она насыщеннее багряница,
в её артериях красок кровь,
мелодий молнийных пульс и танца
живыё, безумствование и новь.

Красы познания – в ней источник,
чуть изящество, как пироп,
волненья взгляда, что – позвоночник
витья отчётливо-свежих стоп.

Но не бывает одна пластичность,
она пронзительности сестра,
которой через метафоричность
дана духовная камфара.

Пронзи пронзительностью свой голос,
и вот: подобьем кинжала на
твоей ладони, отрезав колос
красот подложных, лежит она.

Её до кипенного каленя,
блюда гармонию, доводи,
чтоб в гуще тайной стихотворенья,
шутя, кричали слова: поди...

Иди и царствуй в своей стихии,
но знай, что **правильности** назём
хаос коварный, без ностальгии,
как луч, скижает своим огнём.

Что ритм – любимец эксперимента,
и что над рифмою, точной, той,
в которой шаткости нет фермента, –
манто небесное со звездой.

Звезду, горящую вполнакала,
зови не материю, не женой,
а просто **пользой**, в которой мало
любви, но много любви иной.

Она – слагаемое успеха –
несёт в сознание дум поток,
как изваянье лесного эха,
как сот пчелиных медовый сок...

Поэт, не нужно от добрых сердцем
в глуши таить, что в тебе мой дух.
Твори, как боги; и, многоверцем,
люби и мысли, как прежде, вслух».

Комета медленно улетает
туда, где скрыта её купель.
И что же будет теперь? кто знает,
когда её зазвучит свирель?

Когда её золотая стела
должна зажечься вновь?.. почему
свою сакральную песнь спела
она сегодня мне одному?

29.03.96

Александр Раткевич 1971 г.

В 1758 г. Иоганн Георг Палич впервые
наблюдал комету, возвращение которой
ранее предсказал английский астроном
Эдмунд Галлей и имя которого она
сегодня носит

1

На Тишине Матросской тихо,
Дворы безлюдны и черны:
Ни заключённого, ни психа...
С меня довольно тишины,

Стены, казённого наследства
Всех заграждений и обид,
Чёё судьбоносное соседство
Мне с детства душу леденит...

С меня довольно лжи и муки,
И той безвыходной тоски,
Где слов заломленные руки
Дрожат в наручниках строки.

Снежок поскрипывает нудно,
И в этой замкнутой возне
Легко с ума сойти..., и трудно
В бега податься по весне.

Но не до жиру – быть бы живу,
Когда колёсами звения,
Летит трамвай без пассажиров,
Без остановок..., на меня...

Вернусь обратно без заминки,
И перейду от скуки на
Другую сторону Стромынки,
Где та же ночь и тишина.

2

Не спрятаться, не скрыться от городской тоски,
Не откупиться ломовой ценою...
Надежд и откровений потешные полки
С Преображенки тянутся за мною.
Смотрю я в даль неброскую с Матросского моста –
Нет в созерцанье толку никакого...
Над Яузой, как пауза нависла темнота,
Свернулся трамвай в депо им. Русакова...
Река оградой стиснута, в пенал погружена,
Фабричного говна хлебнув с лихвой...,
То Стиксом притворяется, то Летою она,
То лентой, то верёвкой бельевою...
Здесь Меньшиков Петру охотно помогал,
Страсть разжигал в его потехе яростной...,
Но разум мой повязан по рукам и по ногам
Не язвой исторической, а Яузой.
А сердце то колотится, то глушит колотьё...
Колодезный миня переулок,
Сменив однообразное мещанско житьё,
На карусель бессонниц и прогулок.

27

3.

Весной мгла проводит к берегам,
И, выходя из этих берегов,
Она бессмыслицами мимо
Бежит по улицам тысяч интон.

Песней мгла изысканный языць
И в ней юных фетуши сию...
Истуканы открыты, языки Язус
Не по трубам советские зори...

4.

Трепач... Отщепенец... Злюка...
Не верю я в тиши да гладь –
А верю лишь в силу звука,
Который не передать:

Ни словом – сухим, учёным...,
Ни вздохами под луной...,
В том городе обручённом
С кручиньхской чертовнёй...

Пусть кто-нибудь тихой сапой,
Сжигая свой век дотла,
Прикрывшись мохнатой лапой –
Глухие творят дела.

Когда же настанет – Тихо,
Садовое сияв кольцо –
Задёргается от тика
Не улица, а лицо.

И Лихо – забьёт в ладони,
Чтоб после, судьбу коря,
Под видом смурной тихони –
Вынюхивать втихаря...

Для подлинного поэта
Всегда тишина страшна...
Особенно, если это –
Матросская Тишина. 1993 г.

Николай Еремин

ДООС – никозавр
Красноярск

* * *

– Там, вдали, –
борьба за власть,
Верный шанс
В борьбе пропасть...

Крокодилу в пасть
попасть...
Точно пропасть –
Эта пасть... –

Так сказал мне Бог-отец,
– Ты ж – певец,
А не боец

И дитя судьбы иной...
Спой мне что-нибудь,
Сын мой!

* * *

Я спросил, хмельной:
– Муза, Ангел мой,
Ты пойдёшь со мной
По траве степной,
По тропе лесной,
По золе земной –
В радость, в боль, в беду?
– Да! С тобой – пойду... –

И с тех пор вдоём –
Есть ли радость, нет –
Мы идём-бредём,
В сердце – боль утрат,
Стихийный бред...

Впереди – рассвет...
Позади – закат... –
Много лет подряд...

Хочу лишь зиму перезимовать –
Чтоб вновь, как бы случайно, повстречать
Ни в чём не виноватую весну...

Галина Свинцова

* * *

Русская поэзия моя!
Ты – как многоликая семья –
родственностью издавна богата.
Я в чертах всеобщего лица
различаю мудрого отца,
вижу понимающего брата.

Словно реки в море, в наш язык
ты впадаешь – друг степей калмык,
и казах, и светоч Дагестана.
В русской растворяющей крови
бываются струи нежные любви –
нации пульсируют туманно...

Украинца рада я любить
за одно решительное «быть»
Маяковскому с его стихийным даром.
Мне татары – милая родня
за Ахматову. Ей так легко меня
поразить бессолнечным ударом.

Жить мне помогает Пастернак,
и не расплатиться с ним никак,
всех евреев заключив в объятья!
Под иконой светлых польских глаз
на колени встану я не раз
за Цветаеву –
с ее мужским пожатьем!

Правилам приличья вопреки
я снимаю шляпу перед немцем
за метельность Блоковской строки,
в нем не выдающей иноземца!

А шотландец в пасмурной стране
кажется недавним предком мне –
с ним о том беседовать готова!
Здесь начало скрытое берет
Лермонтова сумрачного род,
чтобы возродиться русским словом!
Я за всю признательную Русь
эфиопу в ноги поклонюсь,
видя в нем божественность природы.
Ненароком черная рука
солнцем озарила на века
темные российские народы.

Нас своим отцовством наградив,
Пушкин, как пленительный мотив,
полетел по страждущей планете,
зазвучав на каждом языке
в близком и далеком далеке,
повторяясь в нерадивых детях...

...А меня Есенин – русский брат –
за руку ведет в цветущий сад,
весь облитый золотом рассвета,
где в извечных поисках любви
до изнеможенья соловьи
прославляют звание Поэта!

2016

20 июня 2015 г в Красноярском театре имени А.С. Пушкина в рамках фестиваля «Театральный синдром» был показан спектакль «Ночь ошибок» (О. Голдсмит), режиссер Павел Любимцев, с участием студентов 4 курса Театрального института им. Б.Шукшина. Во время антракта руководитель Главного управления культуры Красноярска Наталья Валерьевна Малащук и сфотографировала двух поэтов – Евгения Александровича Евтушенко и Николая Николаевича Ерёмина, встреча которых была безошибочно единственной и неповторимой.

Евгений Степанов
кандидат филологических наук
друг ДООСа

КАК ВОЗНИК ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА» КАК ВОЗНІК ЖУРНАЛ «ДЕТІ РА»

...Вернувшись в Москву, я понес по редакциям верстку огроменной поэмы Кузьминского (это двухтомная книжечка!). И везде мне стали отказывать. Не формат; слишком много эротики; слишком много лишних слов; чрезмерный объем; специфическая верстка и т.д. Отказался печатать скандальную поэму даже мой давний приятель Толик, издатель эротической газеты «Мистер Икс». Ну что делать? Как помочь товарищу? Я ведь обещал Кузьминскому, что помогу напечатать его проклятую поэму (точнее – фрагменты из нее). А время шло. Долг висел надо мной, как замок меч.

И тогда я, как всегда, решил пойти на хитрость – я решил создать свой собственный журнал, исключительно для того, чтобы сдержать слово. То есть цель была одна – напечатать поэму

Кузьминского, выполнить обещание и спокойно продолжать свою обычную жизнь.

А тут как раз подвернулся удобный случай. Мы с группой московских писателей (разумеется, Юра Милорава, а также Саша Давыдов, Андрей Тавров, Маша Бондаренко) поехали в Саратов, на фестиваль «Поэтические пояса России», который организовал поэт Игорь Алексеев (к великому сожалению, он уже ушел из жизни). И там я коварно уговорил двух местных доверчивых поэтов-предпринимателей Эллу Бурдакицну и Андрея Сокульского издавать новый ежемесячный литературный журнал. И почему-то эти замечательные ребята мне поверили. Срочно было придумано название «Дети Ра» (Ра – древнее название Волги), я (уже в Москве) дал задание своему сотруднику Андрюше Глазову отсканировать поэму Кузьминского (в электронном виде ее, кажется, не сохранилось).

Андрюша сканировал поэму три месяца, проделал огромную работу. Я собрал некоторое количество других материалов. И вскоре первый номер журнала «Дети Ра» вышел. Наполовину он был заполнен злосчастной поэмой Кузьминского... Но что-то из поэм в номер все-таки не вошло – самые откровенные эротические (даже порнографические) пассажи. И Косте это решительно не понравилось. Он сильно обиделся на меня. И даже пообещал прислать по мою душу армянских (!) киллеров с Ямайки...

Но я все равно был доволен. Потому что сдержал (пусть и не быстро!) свое купеческое слово – сделал то, что обещал. Издал. А в сю поэму я в самом деле не мог напечатать. Да и не обещал этого.

Я уже думал и вовсе закрывать «Дети Ра», но журнал, как ни странно, оказался востребован. В день я стал получать как редактор по 100–150 стихотворных рукописей. Я понял, что поэтам негде печататься, что им нужна моя помощь. И решил не закрывать журнал. И вот он выходит уже 13 лет.

Герман Гессе

РАРИТЕТ ВАЛЬДЕ

Несколько десятилетий назад один молодой поэт написал свою первую книгу. Это был мильный, тихий, невообразимый лепет, бледные любовные стишки без формы и без особого смысла. Кто это читал, чувствовал лишь слабое веяние нежных весенних ветерков и видел весьма схематично за расцветающими кустами резвящуюся юную деву. Это была блондинка, в легком и белом одеянии, и она ревизилась по вечерам в светлом весеннем лесу – больше ничего нельзя было сказать о ней.

Но поэту казалось этого достаточно, и он бесстрашно начал, поскольку был не без средств, древнюю трагикомическую борьбу за общественное признание. Шесть знаменитых и множество мелких издателей, один за другим, вежливо вернули пребывающему в болезненном ожидании юноше его чисто переписанную рукопись. Их весьма краткие отзывы нам известны и по своему стилю мало чем отличаются от тех ответов, какими пользуются и сегодня в подобных случаях издатели; однако все они были написаны от руки и очевидно не составлены по заранее заготовленным образцам.

Возмущенный и изнуренный этими отклонениями поэт решил выпустить свои стихи за собственный счет в количестве четырехсот экземпляров. Небольшая книга состояла из тридцати девяти страниц форматом в двенадцатую долю листа и была переплетена в плотную красно-бурую, а на обороте в более твердую бумагу. Тридцать экземпляров автор разделил своим друзьям. Двести экземпляров отдал книгопродавцу на продажу, и эти две тысячи экземпляров вскоре пропали при случившемся в магазине большом пожаре. Остаток тиража, сто семидесят экземпляров, поэт оставил у себя, и никто не знает об их дальнейшей судьбе. Это было мертворожденное дитя, и поэт полностью отказался от дальнейших поэтических опытов, предположительно, исходя из соображений экономического порядка.

Однажды лет через семь пришел он случайно к идее, как можно сочинять ходкие комедии.

Он приложил старания, получилось удачно, и с тех пор он поставлял ежегодно по пьеске, быстро и надежно, как добрый фабрикант. Театры были полны, в витринах стояли книжные издания его пьес, снимки сцен из спектаклей и портреты сочинителя. Он стал знаменит, но отказывался переиздавать свои юношеские стихи, вероятно, он их теперь стыдился. Он умер в расцвете сил, и когда после его смерти вышла его краткая

автобиография, взятая из его литературного наследия, ее спустя время зачитывались. Из этой автобиографии читающему миру впервые стало известно о существовании той затерянной юношеской публикации.

С тех пор его многочисленные комедии вышли из моды и навсегда сошли со сцены. Книжные издания можно было найти повсюду и по любой цене, часто целыми стопками, в антиквариатах. Но та небольшая книжка-первенец, из экземпляров которой возможно – даже весьма вероятно – сохранились лишь те тридцать, что были раздарены автором, стала теперь редкостью первого ранга, и за неё неустанно охотились коллекционеры, готовые заплатить большие деньги. Она ежедневно фигурировала в списках дезидерат; лишь четырежды она появлялась в антиквариатах и каждый раз вызывала ожесточенную гонку в среде любителей. Во-первых, она все-таки носит имя знаменитости, это первая книга и более того, издана за счет автора, во-вторых, для тонких ценителей весьма интересно и трогательно обладать томиком сентиментальной лирики, сочиненной знаменитым и хладнокровным драмоделом.

Короче говоря, спустя время разыскивается малозначащая вещь, и безукоризненный, необрязанный экземпляр считался бесценным, особенно после того, как некоторым американским собирателям такие достались. На все это обратили внимание и ученые, и появились уже о редкой книжице две диссертации, в одной из которых освещалась ее литература, а в другой психологическая сторона. Факсимильное издание тиражом в шестьдесят пять экземпляров, повторить которое не разрешалось, было давно расхвачено, и об этом вышли уже десятки статей и заметок в журналах библиофилов. А именно идет спор о сохранившихся экземплярах из тех ста семидесяти, которые избежали пожара. Что сделал с ними автор: уничтожил, потерял и продал? Никто этого не знает, его наследники проживают заграницей и не выражают никакого интереса ко всему этому. Собиратели дают в настоящее время за этот экземпляр куда больше, чем за столь редкое первое издание «Зеленого Генриха». Если вдруг случайно где-нибудь вынынут эти сомнительные сто семидесят экземпляров и не будут тогда все целиком уничтожены каким-нибудь собирателем, тогда знаменитая книжица останется бесценной и будет еще временем вспоминаться мимоходом и с иронией наряду с другими анекдотами из истории книголюбия.

1902 г.

Разыскал экземпляр на русском языке Вячеслав Куприянов. Впервые опубликовано в «Новом мире» в 2011 г., № 9.

Вячеслав Куприянов

Чудо семейной жизни

Однажды первая жена Лю Гуаня разбушевалась по поводу отсутствия полной чаши в доме и перебила всю посуду. Опомнившись, она стала тихо горевать по поводу собственной неосторожности.

– Успокойся, – утешил ее муж. – Через несколько лет эти черепки заинтересуют археологов будущего, в котором, уж точно, всего будет хватать, кроме черепков. Тогда они станут раритетом, и мы сможем выручить за них сумму, достаточную для поправки даже такого запущенного хозяйства, как наше.

Какой замечательный у меня муж, подумала первая жена Лю Гуаня, – рядом с его скелетом даже черепки обретут редкую ценность.

...Своей второй жене Лю Гуань ничего не рассказывал об этом давно забытом разговоре.

Александра Заболотская

Казань

Больничный городок
БОЛЬНИЧНЫЙ ГОРОДОК

Моя мама, Елена Николаевна Заболотская, принадлежала к первому в советское время выпуску дипломированных врачей в Казани. В начале 20-х годов прошлого века она закончила казанский медицинский институт как акушер-гинеколог, прошла ординатуру у профессора Груздева и получила место заведующей отделением в больнице Порохового завода. Какой оклад ей положили, я не помню, но ей полагалась казенная квартира и дрова. И вот мама, бабушка и я переехали на Управленческую улицу в Пороховой слободе. Это была коротенькая улица на самом kraю города. Она упиралась прямо в двери больницы, где маме предстояло работать. А за больницей было чистое поле, простиравшееся до самого леса километрах в двух от нас.

Название улицы, я думаю, объяснялось как-то исторически, потому что никакого управления здесь уже не было. Более подходящим названием было бы «Больничная», потому что кроме больницы тут был приемный покой, два дома для персонала, хозяйственные постройки. Все это располагалось на невысоком холме, называемом Технической горкой, и примыкало к забору заводской территории. Забор состоял из трех рядов колючей проволоки, вдоль него ходил часовой.

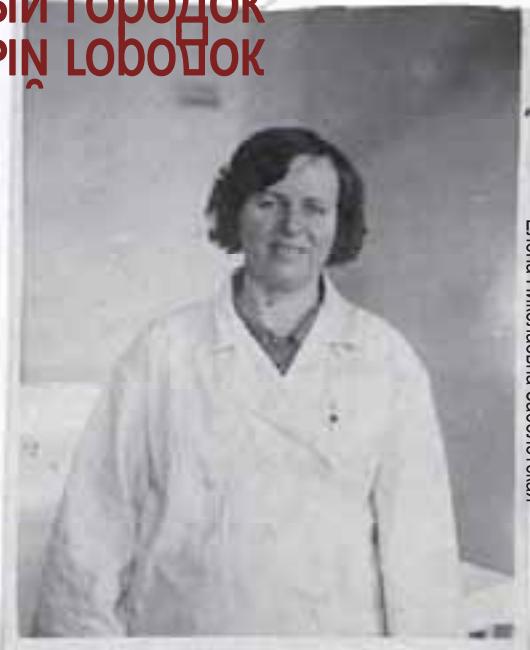
Мы приехали сюда на извозчике (такси тогдашнего времени). За нами на подводе везли наш домашний скарб. Это было холодное утро в конце октября. Высокое небо светло-серого цвета, трава на газоне перед домом уже покужала, старые тополя скинули почти все свои желтые листья. И ни одной живой души вокруг. Но тут же появился дворник Валентин, чрезвычайно носатый поляк, открыл нам дверь квартиры, помог возчику внести баулаж. Я была поражена величиной нового жилища по сравнению с нашим прежним. Огромные комнаты, большие окна, высоченные потолки. Может быть, мама и бабушка были привычны к таким помещениям в своем дореволюционном прошлом, но я-то была уже дитятей революции.

Не успели мы оглянуться, как к нам явилась гостья. Она представилась открывшей ей дверь маме: «Я Таняшка Дегтярева. Мой папка – главный врач. Говорят, у вас есть девочка. Можно посмотреть?»

Она сразу пригласила меня погулять, и мама отпустила, покоренная уверенностью Таняшкиных манер. Это было первое знакомство с местом, где мне предстояло провести детство и юность.

Два совершенно одинаковых дома старинной постройки были хотя и одноэтажными, но все равно очень большими благодаря солидному фундаменту и высокой крыше, под которой находился просторный чердак. Раньше в этих двух домах располагалось всего по две пятикомнатных квартиры, а теперь образовалось два густонаселенных общежития.

Не удивительно ли было то, что в день приезда я встретила всего двух обитателей больничного города? Ведь оба дома были заселены густо, словно муравейники. В каждой комнатке бывших квартир жило по семье, и детей в каждой было по трое. А секрет заключался в том, что все эти люди были так бедны, что в холодное время года ребятам не в чем было выйти на улицу. Когда же настало лето, во двор высыпалась куча босоногой ребятни, и началось веселье!

Елена Николаевна Заболотская

Долгое время мама была единственным врачом в своем отделении, и поскольку жила рядом с больницей, то ее могли вызывать в любое время. Когда она шла в кино или в гости, то всегда сообщала дежурному врачу, где будет находиться. И не раз во время киносеанса или спектакля раздавался призыв: «Врача Заболотскую просят на выход!»

Однажды она приехала в театр, разделилась в гардеробе, подошла к зеркалу поправить волосы и вдруг видит в отражении физиономию больничного возчика Комарова: «Поехали, Николавна, внематочную привезли».

Больничная лошадь была замечательна тем, что питалась остатками с кухни, как свинья или корова. Когда встал вопрос о покупке для больницы лошади, возник вопрос: а чем ее кормить? «Поможем», – сказала мама. Возчик Комаров возмутился: «Ла лошадь ни в жисть помой есть не будет!» Но лошадь пресколько ела все, что ей давали. Комаров еще долго удивлялся: «Это ж надо, никогда про такое не слышал».

Наш дом не затихал даже ночью. Все время кого-нибудь срочно вызывали, топали, галдели, стучали в двери. И тогда мама приучила себя реагировать только на стук в окно. В коридоре могли шуметь, сколько угодно, а она спокойно спала. Но стоило только несильно стукнуть по стеклу, и она тут же просыпалась и спешила на помощь: оперировала, принимала трудные роды – спасала.

И еще воевала за свое отделение с начальством. Был такой период, когда на все руководящие посты назначали так называемых выдвиженцев. Это были люди простые, без всякого образования, но с большим партийным стажем. И вот к такому выдвиженцу, пожалуй пожарному, мама пришла, пожаловаться, что плохо топят и в родильной холодно.

Начальник выслушал ее и закричал:

— Ты к кому пришла? Я тебе что, истопник? Ты знаешь, кто я? Я дилехтур!

— Так я, товарищ дилехтур, потому к вам пришла, — не растерялась мама, — чтобы вы истопнику приказали лучше тошти.

— Ну, это другое дело. Приказать я могу, — успокоился «дилехтур».

В отличие от «выдвиженцев» все образованные, «спецы», считались людьми неполноправными. Их следовало перевоспитывать в пролетарском духе. Однажды где-то в двадцатые годы маму решили отправить на работу в деревню. Об ее согласии никто и не спрашивал. Друзья медики посоветовали ей получить медицинскую справку об болезни, из-за которой ей никак нельзя уезжать в глушь. Она, некурящая, отправляясь на комиссию, выкурила несколько папирос и напилась кофе. От этого у нее началось сердцебиение, и ей поставили диагноз «миокардит», чутко ли не прединфарктное состояние, и оставили в покое.

В общем, городок жил тихо и мирно, никаких скандалов и бытовых ссор между жителями общежитий не было. Я думаю потому, что у них не было общей кухни. Вообще-то, кухня была, но ее всю занимала большая русская печь с лежанкой. Водопроводный кран имелся один на всех. Чтобы он не замерз, в большие морозы топили печь. Комнаты в этих домах были очень большие, а мебели у жильцов очень мало, так что у всех находилось место, чтобы выгородить свою маленькую кухню.

Главным врачом нашей больницы был Владимир Яковлевич Дегтярев. Его жена Анна Александровна работала там же медсестрой, я бы даже сказала, медсестрой широкого профиля. Она могла быть и акушеркой и операционной сестрой, и медсестрой терапевтического отделения. Во время Первой мировой войны она служила сестрой милосердия. Дегтяревы люди добрые, веселые, гостепримные, оба выросли в больших семьях, так что у них было полно родни, а на именины к ним съезжалась целая толпа взрослых и детей. Коронным произведением праздничного стола был незабываемый весенний крендель необыкновенно больших размеров и неописуемой красоты. Играли, танцевали под граммофон, пели песни.

Еще у Дегтяревых были друзья — любители преферанса, которых собирались время от времени по воскресеньям. В доме сохранились даже два ломберных стола на тот случай, если придут сразу две пары. Тогда можно было «расписать пулечку», разделившись по трое и играя «с老板ном», как это называлось. Владимир Яковлевич, страстный преферансист, играл отлично, но был уж очень горяч и мог называть неправильный ход партнера «дурацким» или «идиотским». Мой бедной маме частенько доставалось от него. Она играла неважно, хотя и с азартом.

Домработница Дегтяревых Таня Ларыгина жила в маленькой комнате возле кухни. Она приехала в Казань из села Красновидово — чудесного яблочного края на Волге. Танины родственники, приезжая в город, ночевали на большущей русской печке У Тани были две племянницы-двойняшки, белокурые, с удивительно синими глазами. У одной у них на ручках было шесть пальчиков. Чаще других приезжала и дальние гостила Татьянина матушка Марьюшка. Она, бывало, рассказывала нам с Танышкой сказки. Мне одна из них хорошо запомнилась.

— Поехал царь на охоту, да захотелось ему водицы попить. Наклонился он к ручью, а Водяной его за бороду цап! И не пущает. Отдай, говорит, мне то, что дома не знаешь. Царь-то и думает — чего ж я дома не знаю? Кобыла жереба, собака сущена, кошка сукотна. Все, мол, я дома знаю. Ну, и

обещал Водяному, что отдаст, и тот его отпустил. А того царь-то не знал, что царица брюхата.

Нам с Танышкой тут ничего объяснять не надо было. Живя рядом с больницей, мы не мало повидали «брюхатых». Окна родили выходили прямо на наш сад, и летом из открытых окон неслись крики рожениц. «Ой, мамынька!» — орали русские бабы. «Абая, улям!» — кричали татарки. И мы знали, в чем там дело — никаких аистов или капусты!

Вдруг в 1927 году арестовали Владимира Яковлевича Дегтярева. Анну Александровну с Танышкой сразу выдворили из квартиры и переселили в комнату акушерки Ольги Васильевны Павловой, которая к тому времени уехала из Казани. В наших домах комнаты были очень большими, так что у Дегтяревых была возможность сохранить Беккеровский рояль. Он и занял один угол комнаты, оставив достаточно места для самой необходимой мебели. Остальное продали, или отдали, или даже оставили новым жильца квартиры.

Все недоумевали — за что посадили Владимира Яковлевича? Тогда, говорят, сажали «за золото», но какое у Дегтяревых могло быть золото, у них, переживших войну и революцию? Никогда до и потом до конца их жизни мы золотых украшений ни на Анне Александровне, ни на Танышке не видели, даже каких-нибудь колечек или цепочек.

К счастью, Дегтярева скоро выпустили. Оказывается, его посадили по доносу, что якобы во время отступления красных при оккупации Казани белочехами он обстреливал отступающих из пулемета с крыши какого-то дома.

Впоследствии возникла версия, что роковую роль тут сыграло совпадение фамилии Дегтярева с названием пулемета — дегтяревский. Впрочем, пулемет появился только в 1923 году, а белочехи захватили Казань в 1918-ом. Слава Богу, обвинение опровергли сами военные, участники тех событий. В то время он был военным врачом и работал в гарнизонном госпитале. К тому же из своего врача вступились и заводчане

Владимиру Яковлевичу не вернули ни должность, ни квартиру, но зато поручили ему организовать заводскую санчасть. К тому времени нашу больницу передали Горздраву, и она перестала быть заводской. Дегтярев почти до самой смерти оставался начальником этой самой санчасти. Так закончилось это происшествие за десять лет до 1937 года

Бывшая домработница Дегтяревых Таня Ларыгина стала работать санитаркой в нашей больнице и жила по-прежнему в каморке за печкой. Она завела тайный дружка, такого тайного, что его личность так и осталась неизвестной. Но факт его существования со временем проявился. Как получилось, что никто не заметил растущего живота Тани, тоже непонятно, однако она сумела и это утаить. Родила ночью в постели без всякой посторонней помощи, ни разу не крикнув, ничем не нарушив сон соседей. Но ее сыночек во весь голос заявил о своем появлении на свет. Тогда Таня положила на него подушку и легла сверху. К счастью для новорожденного, его первый крик все-таки услышала Анна Александровна Дегтярева. Она вышла в коридор и прислушалась. Ни звука. Но все же что-то заставило ее подойти к двери Таниной комнаты и снова прислушаться. И хотя за дверью было тихо, ее охватило какое-то странное волнение. Она стала стучать в дверь и требовать, чтобы Таня ее открыла. Той ничего не оставалось делать, как впустить соседку. Ребенок еще не успел задохнуться. Опытная акушерка Анна Александровна взялась за свое дело, на чем свет ругая несчастную роженицу. На шум вышли соседки и принялись помочь. Рано утром общими усилиями перевели Таню в больницу. И стала она растить сыночка Женечку, такого же белоголового, с такими же незабудковыми глазами, как у его дворянских сестричек из Красновидова.

Когда заводская больница перешла в ведение Горздрава и стала Городской больницей № 2, главным врачом назначили врача-венеролога Рейтмана. Здесь ему не было работы по специальности, и он главным образом занимался хозяйством. Дело это любил, стремился обеспечить больнице всем необходимым. Но и тут не обошлось без курьеза. Однажды зимой пришел он в родильное отделение в меховой шапке, в пальто с каракулевым воротником, в белых бурках. Постоял, постоял и говорит:

— И что это вы жалуетесь, что в родильном холодно? А, по-моему, тепло.

— Тепло? — взъярилась мама, — А вот снять с вас пальто и бурки да положить голым задом на мокрую kleenку, тогда и посмотрим, как вам будет тепло!

Рейтман ничего не сказал и вышел. Но в родильном стали топить по-настоящему.

Главврач стремился сплотить врачей в дружный коллектив и даже сблизить их и в частной жизни — организовывал домашние вечеринки по очереди у каждого из врачей. Рейтман был душой общества. Большой, не столько в вышину, сколько в ширину, он лицом был похож на Жана Габена. Это я теперь так думаю, вспоминая Рейтмана, потому что в те времена мы еще ничего не знали о Габене.

Вечеринки обычно начинали с застолья, шуточных тостов, рассказывали анекдоты, потом медицинские байки, и в конце концов все переходили на профессиональные деловые разговоры. На эти вечеринки брали и детей, правда, от серьезных разговоров было скучно, но байки мы любили, хотя, может быть, и не все понимали. Я, например, помню такие мамины рассказы.

— Я одну деревенскую бабенку на приеме спрашивала: «У вас менструации-то регулярно бывают?» А она отвечает: «А как же! Каждый год и на май и на октябрьские бывают. Из всех сел, и все с флагами! Все с флагами!»

А то раз татарку спрашиваю: «Вы где работаете?» — «Главный уборный!» — «Что же вы там делаете?» — «Шапка шьем, кепка шьем!»

Приводит мужик свою жену на прием. Это была его вторая жена, которую он взял после того, как овдовел, и «что-то у нее неладно по-женски». Мама ее осмотрела и говорит: «Все в порядке, она беременна». — «Как это беременна?» — воскликнул мужик с негодованием. — «Я ведь ее брал для хозяйства, а не для глупостей! Что я теперь детям скажу?»

Поступила в больницу женщина со вшиами в голове (в те времена не редкость). Санитарка обрабатывает ей голову специальным мылом и ворчит: «Бот волосы-то завивашь, а в голове вши!» Пациентка возмутилась и написала жалобу: «Они говорят, что у меня вши, а вши у меня всегда от беременности. Хоть кого на работе спросите!»

Но не все так забавно получалось, слышала я и совсем жуткую историю. Однажды во время амбулаторного приема мама послала свою пациентку освободить мочевой пузырь, перед осмотром. Дело было зимой, стоял мороз, а уборная была во дворе — деревянное сооружение с четырехместным стульчиком. Вдруг женщина бежит обратно с вытаращенными глазами и кричит: «Там ребенок плачет!»

Побежали, вскрыли стульчик и действительно, там совсем голенький новорожденный. Он не утонул, потому что фекалии-то замерзли. Вытащили беднягу, унесли в больницу, вымыли, отогрели. Тогда у новорожденных на лобище писали номер химическим карандашом, так что его мамаша сразу определила. Она была совсем молодая девочка, фэззунница. Она, оказывается, беременность от родителей скрыла, а когда рожать пошла, то сказала, что ложится в больницу, чтобы вывести солитера. Вот отец и пришел узнать, как дела. «Вывела Уткина солитера?» — спрашивает. А санитарка отвечает: «Вывела, вывела, с ручками, с ножками!»

Новоиспеченный девушка схватился за сердце. А когда выписали девочку домой, она на дороге ребенка бросила в уборную, где его и обнаружили. Не успели еще никуда сообщить, как прибежал отец Уткиной, спрашивает: «Она с ребенком ушла?» — «С ребенком», — отвечают. И выдают ему внука, чудом оставшегося в живых. Оказывается, дочка пришла домой и сказала, что малыша оставила в больнице. Но

Стоит слева моя мама. Она стажер ГИДУва.

В центре сидит

Леонид Семенович

Персианинов,

будущий академик.

В 1936-1938 годах —

аспирант акушерско-

гинекологической

клиники Казанского

Института для

усовершенствования

врачей.

В 1937 году ему

присуждена учёная

степень кандидата

медицинских наук.

В 1938-1941 годах —

ассистент кафедры

акушерства и

гинекологии

Казанского ГИДУва.

Видимо, это фото

конца 30-х годов.

отпу это показалось подозрительным, вот он и прибежал.

Мама также вела прием в маленькой поликлинике, которая называлась «приемным покосм». В то время многие женщины татарки плохо владели русским языком, а то и совсем не владели, а потому точно выяснить, что и где у них болит, было довольно трудно. Тогда Елена Николаевна выучила по-татарски все необходимые для дела вопросы и варианты ответов на них. Бывало, пациентка обрадуется, что «дохтур» говорит по-татарски и начинала входить в подробности, но маминого запаса слов не хватало, и она кричала: «Тукта, тукта!» Татаркам очень нравилось, что «дохтур» говорит с ними на их языке. Правда, они находили, что она разговаривает, как маленький ребенок.

Елену Николаевну знали и любили все женщины Пороховой и Ягодной слободы. Как-то еще школьницей я возвращалась с практики из Курамовского совхоза, и почему-то мне пришлось шагать пешком с самого Устья. С утра я ничего не ела, была страшно голодной. Вдруг вижу, на углу улицы сидит женщина с корзинкой и продаёт булочки. Я подошла к ней и спросила: «Вы знаете мою маму?» – «Знаю», – ответила женщина, улыбаясь. – «Тогда дайте мне, пожалуйста, булочку, а маме вам потом заплатите!» И она охотно дала мне булочку, которую я и съела по дороге домой. Мама, правда, была очень недовольна, заставила меня тут же вернуться – расплатиться с той доброй женщиной, и потребовала, чтобы я больше таких выходок не допускала.

Однажды где-то поблизости умерла мамина однодомилица. К сидящим на крыльце поликлиники женщины подошел мужик и сказал: «Ну, что теперь делать-то будете? Умер ваш бабий бог!» Какой тут начался плач и крик, пока пациенток не уверили, что Елена Николаевна жива и здоровая.

Мама считала, что хороший врач обладает силой внушения. Сама она обладала этой силой. Приведу такой пример. Женщина, пришедшая на аборт, заявила: «Я всегда кричу и брыкаюсь, а на стол меня надо ташить силой!» Мама спокойно ответила: «Никто вас силой тащить не будет. Я просто сделаю вам укол, и вы ничего не почувствуете». Никакого такого укола тогда, конечно, не было, но пациентка ни разу даже не пикнула и потом стала благодарить: «Спасибо, доктор, я совсем ничего не почувствовала». – «Неужели совсем ничего? А ведь я никакого укола не делала». – «Вы шутите, доктор? Я же помню, как у меня раньше все проходило».

Были у мамы постоянные пациентки, которые могли и по пологоду, и по году не появляться. Но только вдруг вспомнят о какой-нибудь из них, как та тут же придет на прием. Связь такая, телепатическая. Однажды встречает одну из них на улице и едва ее узнает. Вся сгорбилась, пострела, бледная, еле идет. Мама воскликнула: «Что с вами такое?» – А та отвечает: «Вы меня на консультацию к профессору послали, а он на мне крест поставил». – «Какой еще крест? Приходите ко мне завтра и заключение принесите!» Пришла, показывает бумажку, а там написано, что, дескать, с диагнозом согласен, у больной то-то и то-то плюс осложнение. И плюс этот получился такой жирный, черный, здоровый, и правда, как крест. Тут мама засмеялась, а женщина ни с нее с такой обидой смотрит. Но когда поняла, в чем дело, так прямо на глазах ожила, помолодела, и на щеках румянц появился.

Мама была упрямой, сильной и отважной. Всю войну она проработала хирургом, вернулась с фронта майором, с орденом Красного знамени. Между тем, по всему ее внешнему виду просто нельзя было догадаться об этом. Однажды уже после войны, она была еще в военной форме, случайный попутчик в поезде спросил: «Вы что же, хирургом были? И могли руку или ногу отрезать?» – «Приходилось». – «Надо же! А ведь такая вежливая женщина».

Ольга Журавлева

ДООС – стрекозур

Я жила здесь КОГДА-ТО...

За Москвою-рекой отороченной алой каёмкой,
Невысокие домики струились дружным мирком.
Я жила здесь когда-то, я была озорно и звонкой
И ещё сохранил старый двор голосов перезвон...
Круглобочист перил и старушечья стёргость ступеней
До пронзительной боли в моей задержались душе –
В эти двери входил доморощенный маленький гений,
И на цыпочки встав, на четвёртом звонил этаже...
Между стёкол забытую пыль я потрагаю взглядом,
С Тихой грустью припомню ёшь молодого отца,
Постою в забытии у чугунных ворот Зоосада,
Моросящим дождём омывая слезинки с лица...
Слишком поздно...
Кого ни спроси – не дождёшься ответа,
И от детства всё дальше уводят в щемящем бреду
Эта узкая уличка, переносящая в Лету
Всё, что помни, и всё что останется, если уйду.
Слишком рано меня оторвали от отчего дома,
Как дитя-сироту отнимают от тёплой груди.
Аtramvaychik, звяня, пробежит пересулом знакомым,
Но с подножки никто не окликнет: «Привет! Погоди!...»
И не вспыхнут «глазки» по дверям любопытных

соседей,

Даже если былое в ночи растревожу, стуча.
Лишь тоскуя, кричит из вольера с табличкой
«медведи»,
Вспоминая о доме, мохнатое чьё-то дитя...
По стеклянным щекам растирая осенние слёзы,
Будет долго смотреть немигающим взглядом такси
На разрушенный храм, где юятся наивные грёзы,
Как же, Господи, глупо – теперь –

о прощенье просить...

Слишком поздно стучать в незаконность судьбы
кулаками –
Переехали все, и по почте не вышли ответ.
А в вольере ревёт косолапый ребёнок по маме,
И никто не предложил до дома обратный билет...

Виктор Клыков

ДООС – австроавстрал
Вена

Во время войны в 1943 году родители отпарили меня четырехлетнего к тётушке в Ярославль на поправку как самого младшенького и слабенького из трёх братьев в нашей семье. Тётя, старшая сестра мамы, жила тогда вдвоём с мужем, и они с радостью приняли меня. Из Москвы меня забрал её сын, мой двоюродный брат – военный лётчик, ехавший домой в короткий отпуск. И вот там-то со мной произошёл неожиданный для всех случай.

Чугунок 1943-го года

Опять симфонию дождя играют в небе небеса, а я задумчиво стою и вспоминаю жизнь свою.

Была война и Ярославль, он затмённым был тогда. Я вижу ночи чёрный мрак, в которой на больших плечах меня вносили в тёмный дом – он сладко печкой пах. Тот, кто принёс меня туда,

в другую комнату ушёл, где свет горел, был шум и гам, взрослые гуляли там.

Потом сказала тётя мне: «Гуляли мы не просто так. В тот день узнала вся страна, что первый город нами взят, что гоним немцев мы уже – у всех был праздник на душе. А в Ярославле прошлой ночью бомбили грузовой вокзал, но не убили никого, попали в сахарный состав. Народ доволен был и рад: достался людям рафинад. Пришли друзья, чтобы отметить столь долгожданную победу».

И я был рад оставаться в кухне в темноте и греться у печи в тепле, забыв про ночи холод, мрак. А ОН... стоял большой и чёрный КАРТОШКИ полный, ещё тёплый, чугунный чудный ЧУГУНОК. И... я открыл мой ротик, Р-О-О-Т, и ел её с мундиром вместе, и рот закрыл, когда во мне последний клубень сладко таял

Тут взрослый кто-то подошёл

и чугунок пустым нашёл. Все гости в кухоньку сбежались и очень долго удивлялись: такой мальчишка с ноготок, СЛУПИЛ КАРТОШКИ ЧУГУНОК!. «Ну, Витёк, каков шельмец, А в общем, парень – молодец!..» И вспоминали много лет, Каким голодным был малец.

Этот случай из моей жизни получил неожиданное продолжение 17 октября этого года. Вечером я слушал Симфонию № 8 Шостаковича в исполнении Государственного Симфонического Оркестра России в Вене. В ней композитор, как он сам писал, отразил размышления и чувства после радостного обобщения о первой победе Красной Армии. В симфонии гениально переданы радость от долгожданной победы и ожидание мирного будущего. Именно эти чувства переполнили тогда в Ярославле моих родственников. Меня также поразило, что о размышлениях композитора я узнал в тот день, когда писал об этом событии. Редкое совпадение. Симфония была принята овациями венских слушателей, среди которых было и много молодых людей. Так благодаря симфонии Д. Шостаковича они узнали о победе Красной Армии в Сталинграде в 1943 году.

Наталья Никулина

Обнинск

* * *

ретро –
вещь в себе
с перспективой.
.....
...превращения:

то в винтаж –
весь из себя

то в антиквариат –
вещь не в себе

то просто в антик
из бутика –
антиматерия обуревает...

что до меня
то я с рождения живу
из будущего в прошлое...

Михаил Горбунов

***

Я инок.
Бреду в одинокой толпе
и знаю, что путь мой конечен...

В бреду вопрошаю:
То Времени бег,
в котором я – атом меченный,
ильт только
в волнах бесконечности
квант,
лишь углая временность
Вечного?

Навстречу бредут мне
Вергилий и Данте –
поэзии атомы меченные...

1968

Михаил Горбунов, 1968 г.
Фото Даниила Пивоварова.

Валерия
Нарбикова
ДООС

ПЕШЕХОД ЧЕРТЕХОД

или Любовь
во времена года

Начало в № 1(67) 2016 г.

Кафе

В зоопарке хорошо, но холодно. Таня взяла его под руку, так теплее. Они хоть и прижимались друг к другу, как пингвины, но ведь без крыльышек и без пуха. В лёгких пальто, и туфли на лёгкой подошве, и шапки нет. Шарф есть и перчатки.

— холодно, — сказала Таня, — пошли отсюда куда-нибудь.

Вот всегда так: женщины — первой холодно, у неё первой кружится голова, болит живот, сердце, мёрзнут ноги. А если мужчина первый про это скажет, так он — хлюпик. Вот ведь какие они разные. Женщина и мужчина не из одного теста. Тут уж творец постарался.

— я тут недалеко от зоопарка знаю одно место, — сказал Миша, — пошли туда.

А пингвины в шапке и сапогах, в рукавицах, и куртки у них на пуху. Только вперёд!

Они зашли в так называемое артистическое кафе. Было около часа дня, а, может, и больше, часов, как известно, ни у кого нет или не смотришь на них, а по солнцу трудно определить, слишком много высотных домов.

В кафе стоял запах плохого кофе, дешёвого бренди, вчерашней спермы — бывшей гульбы. Ещё не прибрались. Бумажки на полу, это не листья под ногами, хоть и шуршат, а душу не греют. Почему?

Они заказали, что было: и кофе, и бренди, довольно приятный сыр с мягкой булочкой. В кафе хорошо, но тесно.

Дорога

Поймали частника. Он их вёз, как будто каждый день везил. Ни про деньги не спросил, ни куда ехать. Вёз, вёз и наконец привёз — не так чтобы далеко, но и не близко, к дому большому, но и не маленькому.

— здесь, — сказал Миша.

И машина остановилась

Дом

Вошли в дом. Поднялись на нужный этаж. Подошли к двери.

Миша долго возился с ключом, то ли руки у него замёрзли, то ли ключ был плохой. Он неумело открыл дверь. В квартире, куда они вошли, был длинный коридор, и вдали маячила кухня. Обе двери комнат, выходивших в коридор, были закрыты на тряпки.

— вон там моя комната, а это — соседа.

Вошли в его комнату.

— здравствуй, — сказал он. И поцеловал.

Он поцеловал её в губы так горячо, от всего сердца, которое билось так, что не соскучишься.

— здравствуй, — сказала.

Они сняли пальто.

И Таня вдруг сразу увидела:

— что это у тебя?

У него на шее был такой прозрачный ободок. Голова его немножко плавала, но никуда не упывала. Таня еле сказала:

— у меня от тебя голова идёт кругом.

— это у меня идёт — смотри...

И голова его сделала оборот на триста шестьдесят градусов, а потом опять встала на место.

Он даже поправил шарф. И ободок опять появился.

Вокруг шеи — под воротником расстегнутой рубашки.

— видишь? — спросил он.

— вижу своими глазами. Даже не верю своим глазам.

Она хотела дотронуться до ободка, но он к себе не подпускал. Буквально он окружал себя такой границей, что в миллиметре от него пальцу было не подступиться, и не только пальцы, а даже поцелую.

— нельзя потрогать, — сказала она потерянно, — а ты сам можешь?

— И я не могу. И никто на свете не может.

Его голова вертелась, как глобус, на невидимом шарнире, несколько раз так — фью-ю-ю-ть, и опять на место, а ободок опять на шее.

— а можно так, чтобы его не было? — спросила она тихо.

— можно.

«о господи», — сказал он.

И ободок исчез. Она немножко пришла в себя и ещё тише сказала:

— а как ты к нему обращаешься?

— я говорю: «о господи».

И ободок опять появился.

Тут она только разглядела, что ободок голубоватый, как облако, а кое-где синий, как небо, а там совсем белый, как туман, а там серебристый, как роса.

Голова так прекрасно вертелась, что даже когда Миша поворачивалась к Тане спиной, голова могла повернуться к ней лицом. И можно было потрогать Мишины губы, глаза, но только не ободок.

— о господи, — сказала она. Но ободок оставался на месте.

— а почему меня не слушается? — спросила, — потому что он твой?

— он ничей. Просто он сейчас со мной. «о господи», — сказала Миша. И ободок исчез.

И голова была как голова — просто на шее — не короткой, не длинной, не толстой, не тонкой, а самой обычной шее, совершенно средней, какая бывает у средних мужчин, немножко красивых.

Миша смотрел на неё такими плавающими глазами, очень сильно похожими на ободок.

— ты что, влюблен в меня?

— не более того.

— да? — сказала она, как царица.

— но и не менее, — ответил он.

Тут она только осмотрелась и увидела: в комнате стояло какое-то чёрное пианино, поцарапанный пластиковый кухонный стол, табуретка, старый велосипед, два постёртых мягких стула и кровать под балдахином, таким пыльным, как за сто лет. Деревянный книжный шкафчик — одновременно и с книжками, и с посудой. Комната производила нежилой вид, как будто сюда давно не ступала нога человека. Как будто они были и первооткрывателями.

Таня подошла к шкафчику. В шкафчике много чего было интересного: пакет с кофе в зёрнах, начатая бутылка армянского коньяка, чашки, книжки какие-то невразумительные. Миша тоже подошёл к шкафчику и стал рассматривать, потрогал бутылку...

— что ты так смотришь, как будто не знал, — это что не твоя бутылка?

— кто-то из гостей оставил, — ответил он.

Хотя гостями в комнате и не пахло.

Она подошла к кровати. Постельного белья на кровати не было. Матрас, покрывало, подушки в ёёстрых наволочках, и всё — а белья что, у тебя нет?

— обязательно должно быть.

— как будто ты здесь в первый раз.

— а я всегда везде в первый раз.

Миша сбежал на кухню и в большом шкафу нашёл не только кухонное, но и постельное бельё. Принёс.

— вот, — сказал он, — я же говорил.

Таня выглянула в коридор. Дверь соседа по-прежнему была закрыта на тряпку.

— вы с твоим соседом что, друг от друга на ключ не закрываешься? — спросила.

— а зачем? он — за своей тряпкой, я — за своей.

— а если он заглянет?

— не заглянет.

— а он кто?

— учёный.

— а щас он где?

— А щас его нет. А вообще он или думает, или спит.

— а какой он учёный?

— «кот учёный», помнишь сказку — «всё ходят по цепи кругом».

— штуки?

— кроме шуток, он по профессии — учёный, а я по профессии — пешеход. У нас с ним разные пути, мы с ним редко пересекаемся.

— кто ты по профессии?

— пешеход.

— да ну тебя, — она это сказала так, как подростки говорят: «да ладно».

Наполеон

1.

Пока Миша стелил бельё, Таня вышла на кухню, выпила из чайника воды, потом зашла в туалет и на обратном пути не удержалась от любопытства и открыла соседскую дверь. То, что она увидела, заставило её броситься обратно в Мишину комнату. Она подошла к Мише и шёпотом, с ужасом в глазах сказала ему:

— пойдём, сам увидишь, — взяла его за руку и повела за собой.

Они подошли вместе к открытой соседской двери и вместе увидели — на полу лежащее тело. Они подошли ближе и склонились над телом. Это тело было в полном обмундировании. Мундир был рассстёгнут и рубашка тоже. В круглой маленькой ранке величиной с пуговицу стояла свежая кровь. Она не вытекала и не сворачивалась. Она стояла, как в поверхности наполненной рюмке. Красная, как кровь, и свежая, как роза.

— Что это, — сказала Таня, — ещё за чудо.

Миша склонился ещё ближе к телу и стал рассматривать его. Лицо было приятное, слегка одутловатое, бледное и уставшее. Глаза открыты. Взгляд умный, живой, но застывший, а тело не живое.

— не узнаешь, — сказал Миша, — это же Наполеон.

— похож, — сказала Таня, — но как это?

— да так как-то, так как-то всё.

— ты что, знал про него?

— первый раз вижу.

Миша передохнул и сказал:

— кто тебя просил сюда заходить? Я же тебе говорил: «не открывай дверь!» — ну открыла, дальше что?

Они вышли из комнаты. Вышли тихо, как будто боялись побеспокоить тело. Закрыли дверь обратно на тряпку и вернулись в Мишину комнату.

Тана села на кровать, а Миша встал у окна. В его позе было что-то наполеоновское, и из окна, как на ладони, была видна Москва, которая и не думала гореть.

— что же это такое, — сказала Таня, — что ты молчишь?

— я не знаю, — сказал он. И это была правда.

— пойдём куда-нибудь, — сказала Таня, — проветримся.

— сейчас, — Миша достал из шкафа книжку и налил по рюмке, — за всё хорошее, — сказал он.

Они выпили, даже чокнувшись рюмками.

Вышли из Мишиной комнаты, прикрыли её на тряпку, и крадучись миновали соседскую комнату, как будто боялись потревожить тело.

На улице в разгар осени пахло весной. Ясно, что земля была холодная, но как будто на вид тёплая. Даже как будто от неё шёл лёгкий пар.

В кафе, куда они зашли, было чисто, уютно, и вкусно пахло. Они сели за столик у окна и заказали печёное мясо с картошкой в горшочке и бутылку красного вина.

Официант принял их за сумасшедших любовников.

То, что взглядел у них был сумасшедший — это точно.

А насчёт любовников говорить ещё рано.

Обед с вином так взбодрил их, и красное вино такой живой жизнью разлилось по всему телу, что о том тело не хотелось и думать. Но Наполеон заставлял о себе думать, хоть живой, хоть какой, хоть какой-никакой, а Наполеон, вот уж двести лет, а всё ещё Наполеон.

— придумала! — развлечёновалась Таня.

Она попросила у официанта пакет.

— вы хотели бы что-то взять с собой, — поинтересовался официант.

— нет, — сказала Таня, — просто большой чистый пакет.

2

Они расплатились. И официант видел из окна, как они вместе, о чём-то переговариваясь, собирали в пакет опавшие листья, рвали мелкие цветы с клумбы, щипали траву с газона. Но официант только улыбнулся и даже не подумал выйти, мало ли чего ни увидишь в Москве.

Когда они опять вернулись в квартиру, Таня была намного смелее. Проходя мимо соседской двери, она спокойно открыла её, убрав тряпку, и сказала Мише:

— таши из кухни чистую простынь.

Миша сбегал и принёс.

Они подошли к Наполеону. Он всё также лежал в рассстёгнутом мундире, и круглая ранка на груди всё также была наполнена свежей кровью. Таня аккуратно накрыла беззащитное тело простыней, и потом они вместе с Мишой насыпали сверху простыни листья из пакета, траву и цветы.

— вот и всё, — сказала Таня.

Но это было ещё не всё.

Прямо на глазах листья скукожились, трава заледенела, а цветы покрылись инеем — над простыней наступила настоящая зима, всё было припорошено снегом. И только Таня хотела смыть снег, как он стал таять. Вместо опавших листьев появились нахусившие почки, вместо увядших цветов — распускающиеся бутоны, вместо пожухлой травы — свежая молодая травка. Пришла весна. Они не успели опомниться, как почки раскрылись и расцвели цветы, вовсю заселенели листья — разыгралось лето. И только оно пришло, как сразу стало уходить — листья пожелтели, цветы завяли, и простыня покрылась прежней опавшей листовой из пакета с той же сорванной травой и цветами.

— год прошёл, — сказала Таня, — целый год.

Они вернулись в Мишину комнату, оставив Наполеона в покое, как есть. Из открытой форточки — пыль с балдахина как ветром сдуло. Постель была чистая и свежая. Они так

устали за всё это время, что тут же уснули, укрывшись одеялом с головой.

Тим Тимыч

1.

Когда Таня проснулась и открыла глаза, то увидела перед собой не Мишу, а какого-то совершенно незнакомого господина. В Мишиной комнате стоял немолодой мужчина лет пятидесяти и удивлённо смотрел на Таню.

— а где Миша? — спросила она.

— какая Миша, — всё также удивлённо смотрел этот господин, — не знаю.

— а вы кто? — как-то растерянно сказала Таня

Этот незнакомец, почувствовав её растерянность, вежливо ответил:

— меня зовут Тим Тимыч. Вам знакомо мое имя?

— нет, довольно резко ответила Таня. И некстати добавила:

— вы же не Наполеон.

— а при чём здесь Наполеон? — сказал Тим Тимыч.

— Я, кажется, поняла, — сообразила Таня, — вы Мишин сосед.

Тут в свою очередь Тим Тимыч рассердился:

— какой ещё сосед?

— ладно, — спокойно сказала Таня, — мне нужно привести себя в порядок. Меня зовут Таня.

— хорошо, Таня, — вежливо откликнулся Тим Тимыч, — я буду ждать вас на кухне.

И он вышел.

Таня всё вспомнила: и вчерашний день, и Мишу с о б о д к о м , и Наполеона, и — как над простиранью с опавшими листьями — прошёл целый год.

Умылась в ванной и подумала: «ничего себе!»

Она вышла на кухню. А Тим Тимыч уже вскипятил чайник.

будете кофе или чай? — спросил он.

— лучшие чай, очень пить хочется.

И видя, как он умело хозяйничает, она опять спросила:

— так вы сосед?

— сейчас, сейчас, — как-то неопределённо сказал Тим

Тимыч и к Таниному удивлению добавил:

— там в комнате, где вы спали, в шкафчике есть коньяк, приснесите пожалуйста, а я пока заварю чай.

Она сходила в комнату и принесла коньяк.

— вот, — сказала она, — мы его вчера с Мишей пили.

Тим Тимыч налил коньяку и довольно весело предложил:

— выпейте за знакомство.

Они выпили. Немного успокоились и одновременно взбодрились.

— Таня, а кто такой Миша? — спросил Тим Тимыч.

— Я так думаю, ваш сосед.

Тим Тимыч улыбнулся, налил ещё по рюмке коньяку и сказал:

— понимаете, Таня, у меня нет соседей, я в этой квартире живу один.

— может быть, сдаёте комнату? — с надеждой сказала Таня.

— нет, — сказал он.

— тогда кто такой Миша? — спросила она.

Они оба в растерянности посмотрели друг на друга и ничего не сказали.

А коньяк тем временем кончился.

— знаете что, я пожалуй ещё принесу, — сказал Тим Тимыч, — у меня в другой комнате ещё есть. А вы пока достаньте яблоки из холодильника и сыр, если хотите, и хлеб. «И села ждать его одна». «Вот как он сейчас увидит Наполеона, вот тут-то и будет дело!» — подумала она.

Но никакого дела не произошло — Тим Тимыч вернулся

спокойно и поставил на стол бутылку коньяка.

Таня вопросительно смотрела на него, и он, не понимая её вопросительного взгляда сказал:

— продолжим.

2.

Они продолжили

После коньяка, чая и закуски разговор оживился, и Таня сказала:

— значит, ты Тим Тимыч, а полное твое имя как? Тимофей?

Он то ли не заметил этого «ты», то ли постарался не заметить, но вполне естественно сказал:

— нет, не Тимофей. Тимур — полное имя.

— может, Тамерлан, — сказала Таня.

— тогда был бы «Там Тимыч», потому что отчество как раз — Тимофеевич.

Настроение перешло в шутливое:

— а меня зовут Та-Та-та.

— почему? Тебе подходит.

— нет, кроме шуток, понимаешь, я — Таня Татарина.

— послушай, Таня, а что ты у меня делаешь?

— я же говорю тебе — в гости к Мише пришла.

— а давно ты знаешь этого Мишу?

— со вчерашнего дня, а, может, даже с сегодняшнего. Ты когда домой пришёл?

— сегодня.

— а ушёл когда?

— тоже сегодня.

— значит я знаю Мишу — с сегодняшнего.

— ничего это не значит, — сказал Тим Тимыч.

За окном уже было темно.

— ты у себя в комнате ничего странного не видел? — спросила Таня, — Наполеона, например?

— нет, — ответил он улыбнувшись, — ни Наполеона, ни Александра Македонского не видел...

— я не шучу, — сказала Таня.

— хотя постой, — сказал Тим Тимыч вполне серьёзно, — видел простины с грудой опавших листьев, я подумал Ерёма принёс. Ну Ерёму-то ведь ты знаешь?

— нет.

— что? ты с ним не спала?

— нет.

— ну всё ещё впереди...

И тут Таня как ветром сдуло. Ему удалось найти её только на улице. Она уже была далеко от дома.

— Та-Та-та, — окликнул он.

Она оглянулась.

Он догнал.

— извини, — сказал он, — я не хотел тебя обидеть.

Они вернулись обратно домой. Уже перед дверью квартиры они сказали:

— неужели ты не знаешь Ерёму?

Ерёма

Уже два не совсем молодых человека просиживали уже два часа в вегетарианском кафе.

Один из них напоминал жующую корову, а второй — пастуха, который стоняет с места и не даёт властъ покевать.

Этой жующей коровой, а скорее вполне созревшим бычком, был Пётр Алексеевич Дураков, а подгоняющим его пастухом — Алексей Михайлович Ерёма.

У Дуракова из рта торчали аппетитные листы салата, и он их — подальше в пот.

— чего мы тут, — стал подгонять Ерёма, — сидим.

— конечно, твой ключ, не мой, — отозвался, прожевав, Дураков, — но ты же мне ключ обещал.

— обещал, — согласился Ерёма. И поразмыслив добавил:

— да не придет он уже.
— он уже и вчера не пришел, — вспомнил Дураков.
— а если придет, — покачал головой Ерёма, — то (далее следует три периода ненормативной лексики)...
— твой же дружок, не мой, — вяло отозвался Дураков.
И в этот момент так весело распахнулась дверь, и появился на вид шалопай, к тому же не один, а в сопровождении. Было сразу видно, что это она сопровождает его, а не он её — сюда.

— а вот и Груздень! — воскликнул Ерёма радостно, как креццено, взмахнув руками. И всё зашелестело в нём.

— вот Менада, — представил Груздень свою девушку.

— Менада, — сказала Менада и протянула руку сначала Дуракову, а потом Ерёме.

Дураков пожал руку, а Ерёма приложился к ручке, да еще так галантно-дебильно улыбнулся. Продышавшись сказал:

— знакомьтесь, мой друг — Дураков Пётр Алексеевич, а я сам — Ерёма Алексей Михайлович, надо полагать, что эта речь была обращена к Менаде, потому что Груздень знал Ерёму как облупленного

— а это мой друг — Груздень, — Ерёма хотел представить его Петру Алексеевичу Дуракову.

— да я уж позывал сам представлюсь — Лия Груздень, — сказал Груздень и протянул Петру Алексеевичу Дуракову свою руку, которая была в меру маленькой, в меру сухой и в меру жёсткой.

Почему-то все засмеялись, кроме Дуракова Петра Алексеевича, который только ульбнулся.

— давай на «ты», — сказал Груздень Дуракову.

— давай.

— вообще-то, моё полное имя — Ярослав, а все свои зовут Лия, почему Лия? — Груздень, кажется, даже вообще усомнился в своём имени...

— мы уже тут два часа листья жумё, — сказал Ерёма, — в ожидании тебя. — Он так смешно протянул «в ожиданн-а-а-а-ин», что и Дураков засмеялся.

— можно водки заказать, — размыслил Груздень.

— тебе же говорят — вегетарианского кафе. Кефиру хочешь?
— а я могу и сам, — и Груздень рассстегнул свой тайник, где есть всё необходимое, в чём только может нуждаться молодая, в меру испорченная душа.

Вышлили водки и Груздень протянул Ерёме ключи:

— вот твои ключи, но не на совсем. Даши ёщё? Очень нужны.

— ключи, — сказал Ерёма, — просто волшебные. Всем сразу нужны.

— ладно, пошли, — сказал Дураков Ерёме, — пора уже.

— а я тебе не сказал, Менада, — сказал Груздень, — они сегодня играют, тут не далеко, в маленьком театре, хочешь пойти с ними, я не могу.

— лучше в следующий раз, сказала Менада.

— да, лучше в следующий раз, — сказал Дураков, — мы ёщё не разыгралися.

2

Стало вдруг тихо. Даже те коровы, которые жевали ту траву, не мычали. И вообще никто не пил, не жевал, не сосал, не глотал

— ладно, Лия, увидимся, — прервал тишину Ерёма.

— нам с Менадой пора, — сказал Лия Груздень, — вы тут свой кефирчик пейте, а мы пошли.

— напиток бы оставил, — сказал Ерёма Лия.

— ладно, возьми, — и Лия Груздень оставил свою дорогую сердцу фляжку. Через мгновение они с Менадой упорхнули так же весело, как и пришли.

— скоро спектакль, ты готов? — спросил Ерёма.

— слушай, — сказал Дураков, — у нас новый супплёр в театре Миша Китаев.

— видел его? — спросил Ерёма.

— ещё не успел, — сказал Дураков.

— ты роль-то свою хоть читал? — не отставал Ерёма, — я-то свою не очень.

— я тоже не очень. Но слушай.

И Дураков стал рассказывать Ерёме, что это какая-то обычая черуха. Про какую-то маню-шманю, кто-то её соблазнил, кто-то на ней хочет жениться, а кто-то не хочет, кто-то кого-то любил, убил, страдания и полная дребедень.

— а дальше? — спросил Ерёма. — Ты давай быстрей соображай, уже через час играть. Кто там в кого влюблён?

— ну, допустим, в меня, — сказал Дураков.

— значит, я свободен?

— правильно, а я занят, — сказал Дураков.

— ладно, нам подскажут. Как там его зовут, этого нового супплёра, — спросил Ерёма.

— говорю тебе еще раз, зовут его Миша Китаев. Это его робота — нам подскаживать, — подытожил Дураков.

Но Ерёма всё не унимался:

— а девицу-то как звать? эту маню-шманю?

— а зовут её просто «девушка», просто то, понимаешь, где в уш ка. Но, знаешь, говорит, этот супплёр сидит там и шипит, слов у него не возможно понять — рассуффлер. Ты, главное, на меня смотри, — сказал Дураков, — когда я свободен, она вроде бы в тебя влюблена, а когда я занят в роли, то получается — в меня.

— тогда получается, я что ли в неё? — спросил Ерёма.

— ты, главное, не запутайся, — сказал Дураков, — она — что-то вроде крестьянки или домработницы, или домохозяйки, или хозяйки, я вспомнил! — воскликнул Дураков, — иногда кней почему-то обращаются «мама, ма-ма».

— а может, «ня-ня», — сказал Ерёма.

— а может, и ня-ня. Ты, главное, на меня смотри.

Они вышли из кафе. В переулке не было видно ни одного ребёнка, ни одной женщины, ни одного мужчины. Все были какие-то не те: ребёнок был похож на старичка, женщина — на музыкана, мужчина — на уродливую бабу. Там не было Эрвидики.

И уже в театре — Миша Китаев, новый супплёр, так понравился Ерёме, а Ерёма так понравился Мише, а спектакль так никому и не понравился, что после спектакля они вместе выпили водки «за всё хорошее». И когда Миша узнал про ключ, то попросил его у Ерёмы на пару дней. А Дураков, оставшись без ключа, сначала обиделся.

— ладно, не обижайся, — сказал ему Ерёма, — у тебя ключ — был, у меня — был, у Груздня — был, а у Китаева — ёщё нет. Пусть тоже будет.

Так и появился Ерёма.

Вечер с Тим Тимычем

1.

Был уже совсем поздний вечер. От Тим Тимыча Таня так много узнала о Ерёме и почти ничего — о Мише Китаеве. А между тем, она устала, да и Тим Тимыч тоже. В нём нельзя было открыть страсти — «ни к еде, ни к вину, ни к охоте, ни к курским соловьям, ни к голубям, страдающим падучей болезнью, ни к русской литературе, ни к иноходцам, ни к венгеркам, ни к карточной и биллиардной игре, ни к танцевальным вечерам, ни к поездкам в губернские и столичные города, ни к бумажным фабrikам и свеклосахарным заводам, ни к раскрашенным беседкам, ни к чаю, ни к доведённым до разврата пристяжным, ни даже к толстым кучерам, подпоясанным под самыми мышками, к

тем великолепным кучерам, у которых, бог знает почему, от каждого движения шеи, глаза коятся и лезут вон».

— Уже очень поздно, — сказал Тим Тимыч, — ты иди ложись вон в той комнате, а я пойду к себе.

— И ты не боишься в своей комнате? — спросила Таня.

— а кого? — спросил он.

Её так и подымало рассказать про Наполеона, но она только сказала:

— да так.

А потом добавила:

— эту простынь с листьями принесли мы с Мишой.

— зачем? — удивился Тим Тимыч.

— да так, — ответила она неопределённо.

И они разошлись по комнатах — спать.

Сколько прошло времени не известно, но сколько-то прошло. Таня не раздеваясь лежала на кровати под балдахином, укрывшись одеялом. Горел маленький свет.

Тим Тимыч постучался, и она услышала:

— Таня, ты не спиши?

— нет.

Он вошёл в комнату и присел на кровать.

— там это... у меня в комнате...

— прорезался, значит, — спокойно сказала Таня.

— кто? — спросил Тим Тимыч.

— а ты как будто его не узнал? Наполеон! — так же спокойно ответила.

— ты что, о нём знала?

— конечно. Я его сразу узнала.

Вот узбеки Наполеона бы не узнали, подумашь, лежит там какой-то в мундире, Наполеон до них не дошёл, и африканцы бы не узнали, и в Австралии могли не узнать, нет, среди австралийцев много бывших ссыльных, они могли узнать, и американцы бы узнали, среди них тоже много ссыльных. Зато все европейцы узнали бы его как родного,

Он — Наполеон — чуть ли не в каждом доме побывал, чуть ли не за одним столом сидел, как же тут не узнать.

— пойдём ко мне, — тихо попросил Тим Тимыч.

Таня поднялась, и они вместе с Тим Тимычем вошли к нему в комнату.

Наполеон лежал на прежнем месте, только простынь с опавшими листьями валилась рядом.

Таня встала рядом с Наполеоном и сказала:

— может, его похоронить?

— как же можно его похоронить? — сказал Тим Тимыч, — если его нет.

— ну вот же он.

— а ты всегда веришь своим глазам?

2

— всегда.

— а вот если я сейчас превращусь в крокодила и тебя съем, тоже поверишь?

— когда ты меня съешь, меня уже не будет, значит и поверить я не смогу, — сказала Таня. — Я верю только пока я здесь, в этой комнате. Неужели ты думаешь, что если бы я оказалась сейчас у себя дома, я бы поверила в эту комнату и в тебя. Конечно, нет, — заключила она.

— но ведь смотри, — сказал Тим Тимыч, — если мы все состоям из клеток, то скорость не состоит из клеток.

— я знаю, — сказала Таня, — скорость состоит из скорости, а время из времени.

— а я знаю, что ты состоишь из молодости, а я — нет. И мы с тобой — разные.

И вообще слово «клетка» имеет очень много смыслов: звери в клетке, в тюремной клетке, человек в клетке или птица в клетке, или вообще «живу, как в клетке», шотландская клетка, шахматная доска из чёрных и белых клеток, платок в клетку, лестничная клетка, и в плохих домах

на лестничной клетке воняет плохим табаком и мусором, а в хороших домах воняет хорошим табаком, а больше ничем не воняет. А уж в тюремной клетке или в цирковой, или в зоопарке, в этих клетках нет жизни, значит, можно задохнуться. А ведь в настоящей жизненной клетке — есть самая настоящая жизнь. А когда ты из одной живой клетки можешь сразу прыгнуть в другую живую клетку — вот это жизнь! Вот ведь Наполеон — прыгнул — и лежит тут себе в комнате, свеженький, и ему хоть бы хны — ни война его не берёт, ни время.

И Таня увидела весь земной шар в одной клетке, всю землю. Земля плывала в такой прозрачной голубоватой жидкости, «как о б д о к», — подумала она. И всю землю можно было держать в руках, и она вертелась. И всё на земле было видно, там был и океан, и пустыня, и море, и Москва, а если поближе посмотреть и увеличить масштаб, то была видна комната, и Таня. «Как странно! Я вижу сама себя на расстоянии», — подумала она.

Таня с Тим Тимычем сидели в комнате Тим Тимыча на кровати и следили за Наполеоном — каким образом и куда он денется.

И чтобы не заснуть и не пропустить этот важный момент, они занимались друг друга разными разговорами.

Тим Тимыч сказал, что самые серьёзные вопросы решаются между прочим — не в присутственных местах, не за чаем в пять о клок, а где-нибудь на крыше или даже под кроваткой. И у каждого свои важные вопросы — с в о и. Для кого важно — «что делать?» вообще, а для кого — «быть или не быть?» сегодня в три часа на Пушкинской рядом с метро в кафе. И «кто виноват?» — вообще, или виноват его лучший друг и мама.

А Таня молчала, хотя ей так хотелось поговорить и про Мишу, и про о б д о к.

И пока Тим Тимыч говорил, Наполеон лежал на месте.

Этот разговор ни к чему не привёл, зато он привёл за собой другой разговор — про то, что речь должна быть точная, а то она будет расплывчатая. Вот нельзя сказать:

Директор дет.сада

Заведующий тюрьмы

Председатель завода

Начальник колхоза

Но даже если сказать правильно:

Заведующий детского сада

Начальник тюрьмы

Директор завода

Председатель колхоза —

то от этого не будет лучше:

ни в детском саду, ни в тюрьме, ни на заводе, ни в колхозе. А Наполеон всё лежал на месте.

А потом зашёл разговор вообще про глупости. Про арт-объекты. Такая тема, что может усыпить любого. Тим Тимы сказал, что все может быть арт-объектом. Таня это уже сто раз слышала, и ей даже лень было отвечать. Даже сарай со сломанным стулом и разбитым унитазом может быть выставочным арт-объектом.

— но вот уж что точно арт-объект — это собор Василия Блаженного, — сказала Таня.

— а я и не спорю, — сказал Тим Тимыч.

— а этот твой объект с унитазом — есть в каждом заходистом посёлке, а не только на выставке арт-объектов. А мой собор только один в Москве, единственный в своём роде, и больше нигде он быть не может. Так тебя послушать, и Наполеон может быть арт-объектом, вот посмотрим! — И Таня хотела указать Тим Тимычу на Наполеона.

Но Наполеона на прежнем месте не было.

За этим разговором они так и не увидели — как? и куда? — дёлся Наполеон

— я же говорил, что е г о нет, — сказал Тим Тимыч в своё

оправдание.

— я пошла спать, — сказала Таня. И наступило утро.

Утро

Утро наступает всегда по-разному. Хуже всего, когда утром разбудят. Но утром никто не разбудил.

Когда Таня проснулась в чужой комнате, она не стала покрепче закрывать глаза, чтобы произошло чудо, чтобы чудесным образом оказалось у себя дома — этот волшебный способ уже несколько лет не помогал. То ли она — позрелела, то ли способ — устарел. А ведь в совсем ранней юности бывало так, что проснёшься где-нибудь за городом, на чай-то, не понятно чай даче, потом надо очень сильно зажмурить глаза, заснуть и проснуться уже у себя дома в своей постели. Впервые этот номер не прошёл, когда однажды Таня открыла глаза и поняла, что она не только не в Москве, а что она вообще в Америке. Тут уж никакие жмурки не могут помочь, тут может помочь только сама жизнь, которая имеет свою скорость. А скорость у неё, у жизни, то маленькая, то большая, а то совсем взъёмёт и встанет, и жди, пока она наберёт скорость.

Наоборот Таня пошире раскрыла глаза, можно сказать, распахнула — в комнате был сырый, мягкий свет. Когда же настанет «мороз и солнце день чудесный», наверное, никогда не настанет — останется только в стихах. Хорошо, что так много всего остаётся только в стихах, а, может, это плохо, нет, всё-таки хорошо — а так бы вообще нигде не осталось. Ведь раньше «ветреная Геба, корыя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила» — и пролила на самом деле, а сейчас пролила только в грозу в начале мая. Таня даже почувствовала, что она выпаслась, и так бы притен этот мягкий серый осенний свет.

Она вышла на кухню и увидела там Тим Тымыча, который, оказывается, уже проснулся и сидел пил чай.

— очень приятное утро, — сказала Таня.

— очень, — ответил Тим Тымыч, — особенно если учесть, что сейчас пять часов вечера.

— о-го-о! — сказала Таня.

После этого «ого!» прошёл почти час, за который Таня успела принять душ, высушить голову, выпить чашку чая. И только после этого она сказала:

— как-то у тебя прохладно.

— топят, но слабо, — сказал Тим Тымыч

— а какая-нибудь печка есть?

— а как же! сейчас за дровишками сбегаю и камин разожгу. нет, кроме шуток?

— где-то был обогреватель.

Этот весьма практичный разговор был прерван звонком в дверь.

— открыть что ли, — сказал Тим Тымыч

— ты женат? — спросила Таня

— да в общем — нет.

— тогда открывай.

Но это был не Мisha.

Вслед за Тим Тымычем на кухню вошёл молодой человек, который, судя по природным данным может оставаться молодым человеком лет до семидесяти. В руках у него был большой апельсин. И этот оранжевый цвет апельсина так приятно вился в серый полумрак и так нежно оттенил его, что прям хотят рисовать. Но вместо рисования Тим Тымыч зажёг большой свет на кухне и сказал, обращаясь к Тане:

— я тебе вчера рассказывал про Ерёму, так вот он и есть.

Тим Тымыч взял апельсин у Ерёмы и сказал ему:

— а это Таня. Мы вчера познакомились.

Тим Тымыч уже привык к Ерёме, а Таня, конечно, обратила внимание на самую необычную наружность Ерёмы. Глядя на него, сразу даже было трудно понять, что в нём

не так. Внешность очень привлекательная. Но что-то не так. Он довольно высокий, светлые волосы, тёмные, почти круглые глаза, светлая бородка, мягкий приятный овал лица. Вот что! Нет усов. Но оказалось, что усы не то что сорбиты, а их никогда не было и нет. Машинистко Таня протянула руку и потрогала пушок над верхней губой у Ерёмы. Это было достаточно смело с её стороны, но он не удивился.

— не растут, — сказал он

— да, нет усов, — подтвердила она.

И они оба рассмеялись

— ну вот и познакомились, — сказал Тим Тымыч, тоже усмехаясь.

— сейчас Дураков придёт, — сказал Ерёма, — мы с ним разминулись.

— ну прямо театр у меня устроили, — сказал Тим Тымыч, как бы в шутку сердясь.

Было слышно, как ключом открывается входная дверь.

Тим Тымыч выглянул из кухни в коридор — там в дверях стоял молодой человек в длинном темном пальто в шляпе и с маленьким шарфиком.

— раздевайтесь и проходите, — сказал Тим Тымыч.

На кухню вошёл молодой человек лет тридцати, стройный, но довольно худой, в замечательно сидящем на нём костюме. Про этот костюм надо сказать особенно. Те, кто видели костюм в первый раз, могли подумать, что Дураков нарочно приоделся для встречи. Но Ерёма, знавший Дуракова уже пять лет, видел его исключительно только в этом костюме. Прячём, этому костюму ничего не делалось. Он не мятся, ни старел, и не было на нем никаких пятен. Хотя Ерёма собственными глазами видел, как Дураков и валялся в нём и заливал его и кофе, и вином. Но стоило Дуракову потрясти костюм на ветерке — и брюки и пиджак, как новенькие. Собственно ни в чём другом Ерёма Дуракова и не видел — как только в этом костюме. Но ни Таня, ни Тим Тымыч об этом не знали, и оба подумали: «какой ухоженный молодой человек».

— ты где ключ взял? — спросил Ерёма у Дуракова.

— Миша Китаев передал, — ответил Дураков, — сказал: «отдай Ерёме».

— а где ты его видел?

— в нашем кафе. Мы с тобой как расстались, я зашёл в кафе и там с ним случайно встретился. Вот ключ, — сказал Дураков и положил ключ на стол.

— не надо на стол, денег не будет, — сказал Тим Тымыч и положил ключ к себе в карман.

То ли Тим Тымыч забыл дни своей молодости, то ли вообще не знал, что ключи имеют способность разминожаться — иногда в ларьке металлоремонта, а иногда и сами по себе.

— так ты видел Мишу Китаева! — восторженно сказала Таня, — где он?

— откуда я знаю. Я его видел. А потом больше не видел.

— он решил подработать у нас в театре суфлёром, так, может, он в театре, — сказал Ерёма Тане.

— нет, — сказала Таня, — у него другая работа. Он работает пешеходом.

— кем? — сказал Тим Тымыч, не скрывая удивления.

— да, я знаю, он — пешеход, — твёрдо сказала Таня.

Тим Тымыч уже давно удивляло, где вообще молодые люди берут деньги на жизнь, чтобы покупать коньяк, сидеть в кафе, прилично одеваться. Что они по ночам вагоны что ли разгружают? но в Москве не хватит столько вагонов на всех молодых людей. Или у них есть какая-то кормушка? или одна им известная тумбочка? Тим Тымыч не знал.

Ольга Панюшкина

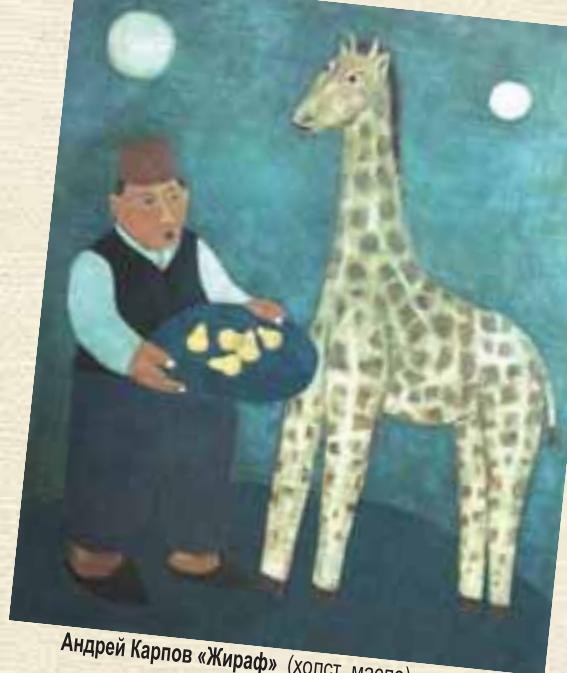
ХУДОЖНИК КАРПОВ ХЛЮДЖНІК КАРПОВ

2001-й год. Я только вернулась после трехлетнего проживания на Тайване – изучала китайский язык. Чувствовала себя растерянной инопланетянкой. Друзья узнали, что я вернулась, и закружили творческие встречи, открытия выставок. На одной из них мне представили художника Андрея Карпова, долгий и подробно рассказывали, какой он прекрасно-талантливый, как многочислено он представлен во всех музеях крупнейших городов мира. Меня ему тоже охарактеризовали так, что он сразу, смутив меня, скромно предложил написать мой портрет. Я очень люблю фильм «Портрет жены художника» с Валентиной Теликиной и Сергеем Шакуровым. Помню, как героиня обижалась на мужа, что у него ни разу не возникло желания написать её. И вот я слышу, что самый настоящий художник выразил желание написать мой портрет. Не задумываясь, я искренне, наивно и порывисто предложила: «А хотите, я приеду к вам в мастерскую, поиграю на гитаре, спою свои песни для вдохновения!» Тут же испугалась своих слов, но Карпов и не спешил принимать мое предложение, проговорил что-то невнятное, взял у меня номер телефона и пропал.

Я ждала звонка, но Карпов позвонил только через две недели: «Оля, я звоню рассказать, что написал ваш портрет!» Я растерялась. Оказалось, что позировать не надо, потому что Андрей Карпов.. художник-примитивист! Он описал картины – на них изображён Пегас, на котором скакает поэтесса в малиновом халатике с развевающимися льняными волосами, с пером в отставленной руке. «Картина ваша, поэтому я должен был рассказать!» И сразу бросил трубку. Я была удивлена и расстроена. Не позировала я настоящему художнику! Через неделю Карпов опять звонит: «Оля, я хожу мимо мольберта – мне не нравится то, что получилось. Я записал поэтессу, теперь на Пегасе поэт, но это всё равно ваш портрет, Оля!» И бросил трубку. Через неделю вновь звонок: «Здравствуйте, Оля! Простите, я звоню рассказать – это ваш портрет. С поэтому всё-таки что-то не то! Я записал поэта. Теперь на картине Пегас в яблоках, жующий зелёные яблоки в траве – это вы, Оля!» Гудки в трубке, Я лишь успела сказать: «Благодарю вас». Одно из глубочайших разочарований в жизни – я не позировала настоящему художнику!

Положив телефонную трубку, я взяла гитару и спела практически не подбирая слов, будто уже знакомый текст: «Художник Карпов, пишет мой портрет в изгибе томном при свечах у рояля...» В начальном варианте в скобках под названием было приписано мелкими буквами: «исповедь парижской кокотки». Видимо, это было моё признание в том, что порывистое бездумное предложение приехать в мастерскую позировать с песнями под гитару всё-таки выглядело сомнительно!

Когда я попросила прислать мне жующего яблока Пегаса для публикации, Карпов сказал, что картина давно продана, но я могу с его сайта выбрать любую. Я выбрала жирафа. Может быть, это я, а рядом – художник Карпов. Я же у него, в конце концов, Пегас в яблоках. Вот, выросла жирафа... в пятнышку.

Андрей Карпов «Жираф» (холст, масло).

Танго «Художник Карпов»

Художник Карпов пишет мой портрет
В изгибе томном при свечах у рояля.
Зимы холодной жемчужно-серый цвет
Играет в складках шёлка покрываала.
Художник Карпов – politic эмигрант,
Он невозможный! Какое обаянье!
А у мольбера – charmant, очарованье.
Но что ж я плачу?! Он, кажется, мне рад!

Люби меня, художник, целуй, мой мальчик русский,
Под шансонье французских запей вином бургундским.
В прикосновенье смелом к велюру нежной кожи
Вдыхай аром парижский, забудь, что будет позже.

Художник Карпов пишет мой портрет,
к моим ногам он падает в признанье.
В тумане страсти мне чудится венчанье,
он мне не лжёт, сомнений в этом нет! Нет, нет!
Художник Карпов – революсон эмигрант:
Славянский тип, манеры – просто душка.
Здесь в ресторации его зовут Казак!
Так непонятно, заманчиво и грустно.

Люби меня, художник, целуй, мой мальчик русский,
Под шансонье французских запей вином бургундским.
В прикосновенье смелом к велюру нежной кожи
Вдыхай аром парижский, забудь, что будет позже...

Нина Орлова-Маркграф

Камышинское-котеночное

Теплый, сонный Камышин ...
Ушки прижал –
горы Уши,
лижет под старым обрывом
залива молочную пенку.

Скоро Нина начнет писать стихи.

Владимир Миодушевский

ВЕСЁЛЫЙ УРОК

Принес я в школу утром рано
Семь страшных чёрных тараканов,
Сладков принёс двух хомяков,
Лариса – Фросяку крысу,
Мягков – почти слепых щенков,
Алиса – кошку Фису.
Но круче всех – Бурмистров Слава:
Из сумки достаёт... удава!
Звенит настойчиво звонок,
А вот начнётся ли урок?..

Зажигаем по-детски!

Он сегодня похож на котенка.
Мой маленький, мой хороший,
дай я тебя поглажу!
Спит котенок,
блестя лепестковою спинкой,
а когда он проснется,
на зеленои перине в теплых лапах его
расцветут два вишневых куста.
Дни идут.
Осыпается беленький кончик хвоста.
На невидимых крыльях
прилетает к нам солнечный мальчик июля,
 кудрявый как наша юля,
и, высунув кончик языка,
раскрашивает яблоку бока.
Поворачивает то тем, то этим боком,
покрывает их сладким прозрачным лаком –
лакомясь!
Так проходит в Камышине лето.
(Лучший птицей воспето оно, как поэтом)
Вот и крылья купили, то есть билеты.
До свиданья Камышин,
и глина твоя и песок,
балки бахчи, заката арбузовый сок.
Уши в рыжей листве
и веселые лапы в траве,
как зеленые бусы,
катают по полю арбузы.

Рисунок Владимира Миодушевского

Константин Кедров

Невеста

Невеста лохматая светом
невесомые лестницы скачут
она плавную дрожь удочеряет
она петли дверные вяжет

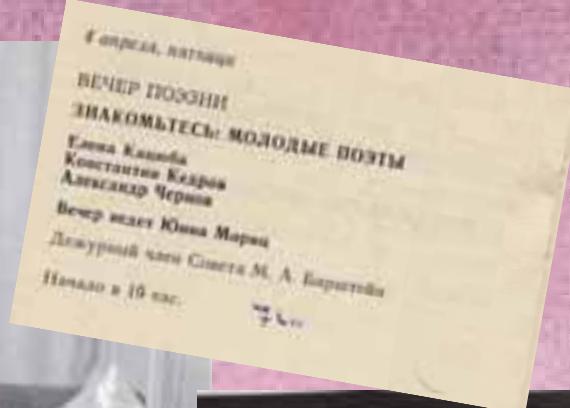
она пальчики человечит
стругает свое отраженье
на червивом батуте пляшет
ширеет ширмой мерцает медом
под бедром топора ночного

рубит скорбную скрипку
тонет в дыре деревянной
голос сорванный с дерева
держит горлом вкушает либо
белую плаху глотает

Саркофаг щебечущий вихрем
хор бедреющий саркофагом

что ты дочь обнаженная
или ты ничья
или звена сосками месит сирень
турборуб непролазного света
дивным ладаном захлебнется
голодающий жернов – 8
перемалывающий храмы

В холеный футляр
двоебедрой скири
можно вкладывать
только себя

Александр Чернов

Домашние животные

Муха – комнатная птица,
муха – точка и сплюда.
Если муха не садится,
муху трудно наблюдать.
Так во все четыре стенки,
муха бьется головой,
что теряет постепенно
насекомый разум свой.
Есть у мухи лапки-руки.
В этих лапках страшный вред.
Опасайтесь, если мухи
прилетят на обед.
Здесь вступает в силу
свойство,
по которому живот
подвергается расстройству
и страдает круглый год.

Всем узлам пищеваренья
и желудку, и кишкам
угрожает отравление
и присутствие горшка.
Есть у мухи враг активный –
это наш надежный друг,
зверь-паук в углу
квартирном
очень любит кушать мух.
За буфетом и картиной
там, где тряпке лазить лень,
он развесил паутину,
как стрелковую мишень.
Ну, а сам сидит в десятке,
не жужжит и не поет,
пожирает мух и всяkim
людям пользу создает.

Елена Кацуба

Вот такое удивительное событие было 4 апреля 1980 года в Доме художника на Кузнецком мосту. Моя фотография с этого выступления где-то затерялась, но эта примерно того же времени.

Вариация на восточную тему

По ступеням – стук-стук
по дорожке – шлеп-шлеп
деревянные сандалии восточного бога
На его ноге-скамеечке
сидит маленькая девочка
тростниковые ладошки хлоп-хлоп
Полулунные глазницы
раздвоенный зрачок
обезьянка на цепочке скок-скок
Веером вибрируя
шурится игриво.
Красный шелк – о чём-то тайном
Чёрный шелк – волос касанье
Белый шелк пошел на кожу
а на коже нет застежек
Табакерка музыкальная на розовом меху
там жемчужные фонарики внизу и наверху
помирают со смеху

По морю как посуху
посуху как по морю
с посохом по миру хром-хром
Заборы на горбах
на зубах горох
драки дорог
перекрестков крах
Вышитая шапочка набекрень
на ногах браслеты дзень-дзень
в середине тела жужжит оса
а на правой щеке след колеса

Амарсана Улзытуев

* * *

На древней картине,
Где тысячу лет назад
Разбилось мгновение о полотно –
Увидел я радугу.

Дальним концом упиралась она
В зеленеющий луг,

А близкий конец ее падал
В мою ладонь...

1980

На вершину костра,
обжигая коленки,
взобрался
посмотреть звезду

1980

* * *

Целующая, ближе!
Под крону моих сухожилий,
В их лунную тень, что зовется душой,
Я снова невесть откуда,
В мужестве губ и женства .

О сто тысяч веков блаженства!

Ближе!

Великая моя!
На мягких ладошках спящих детей
Мы рассстаем исполнинское ложе нежности,
Покуда ветер миг
Не набил себе оскомину и в наших сердцах.

Март, 1985

* * *

Ты пушинкой во взгляде-материке
и этот воздушный вечер:
не ешь мучное, полутьма, печенье
и собранный воедино я,
непревзойденный в своих мученьях.
Пожалованный орден «Пущистый тигр»
и жаворонковые ресницы
меня изнежили от края и до края,
и музыка на павших ножках длится,
и, плавный до слезинки, я.
Но, жаль, что понемногу, понемногу врозь,
что цифербллатно сердце,
что в черно-белом «до свиданья» – вскользь,
что непременно поцелуи с косичкой,
что, крошечным вулканом, я...

конец марта, 1985

Слева направо: Генрих Сапгир, Алина Витухновская, Константин Кедров, Елена Кацюба, Александр Ткаченко, Юрий Беликов.

Юрий Беликов

Пермь

ЖЁЛТАЯ КОФТА НА ЧЁРНОЙ РУБАХЕ ЖЕЛТА КОФТА НА ДЕЬНОН ъЛАРАХЕ

Сейчас я окинул беглым, но проникновенным взглядом собственное житьё-бытьё и понял: есть некий алгоритм моего «подсознательного» общения с Маяковским. 13 апреля 1976 года я, 17-летний мальчик из провинциального городка на Урале, впервые приехал в столицу нашей Родины Москву. Тогда я ещё не знал, что 13 апреля – дата рокового выстрела. Но именно в этот день (тоже впервые) ваш покорный слуга встретился с Андреем Вознесенским, который, как я узнал позднее, из своей высотки на Котельнической набережной, куда мы нагрянули с моим поэтическим собратом Анатолием Култышевым, спешил «к Маяковскому». И ровно через 20 лет – 13 апреля 1996 года – у памятника в те годы ещё единственному и ни с кем не вступающему в перекличку своим именем-отчеством Владимиру Владимировичу, я стану одним из зачинщиков и ведущим акции «Комсомольской правды» «Жёлтая кофта» под лозунгом «Не стреляйте в поэтов и журналистов!» И прочту не только фрагменты из «Флейты-позвоночки» и «Облака в штанах», но и «Колокола, гудошники, звон, звон...» за Андрея Вознесенского, который, будучи всей душой с Маяковским и нами, собравшимися у подножия его памятника поэтами, в тот миг окажется в Париже.

И вот теперь, по прошествии щёл 20 лет, в 2016-м, я прикасаюсь к давнему снимку как к раритету и пытаюсь воскресить – хотя бы частично – в памяти тот день.

Всегда любил жёлтую кофту Маяковского, однако до той поры никогда в жёлтое не облачался, ибо предпочитал иные

цвета: «В чёрной рубахе на торжище вымахну: «Твари!» / И против гирь кистенёк уроню на весы я...» Год назад меня «ушли» из «Юности» с формулировкой главного редактора: «Вы наводите смуту! Приходится выбирать: или – вы, или – журнал...» Я ходил по редакции в чёрной рубахе с узким, белым, контрастным галстуком и чёрном же, сдвинутом набок берете. Помни, заглянул как-то в кабинет главного (а там – некое сбранице-толковице с доморощенными носителями «европейских ценностей» – и у них едва ли не отвалились челости: «Баркашовец?...»

Поэтому, когда в недрах «Комсомолки», куда я перешёл работать собкором (впрочем, отчего в недрах, жили в моей голове?) возникла идея провести у памятника Маяковскому акцию «Жёлтая кофта», я надел поверх чёрной рубахи жёлтую редакционную футболку и представил, как мой усиленный микрофоном голос будет врываться в коридоры открепившейся от меня «Юности» (тогда её редакция располагалась практически напротив памятника) и разрывать их, аки кумулятивный снаряд. Начал обзванивать знакомых мне поэтов: Генриха Сапгира, Константина Кедрова с Еленой Кацюбой, Александра Ткаченко (кандидатура Алины Витухновской была утверждена самой «Комсомолкой», послику редакция тот год за оную сражалась), Марине Тарасовой, Александру Самарцеву, Владимиру Тучкову... Звонил и другим. Но одни либо не пришли к памятнику, либо, как Юрий Кублановский, сразу же дистанцировались под видом тщательного соблюдения православных канонов:

тот день рокового выстрела, оказывается, совпадал с предпасхальными бдениями. Трубка проворчала нечто вроде: «Кошунники...» Я подумал: «Чем набожней, тем ненадежней...»

Пoэтические читки у памятника Маяковскому давно вошли в сознание моих соотечественников, как былины в фольклор. И даже освящены кинематографом, когда в фильме «Москва слезам не верит» Андрей Вознесенский читает страдившейся публике: «Пряма — короче, парабола — круче...», а мимохождие девиц восклицают: «Ничего не понимаю!..» В книге Евгения Евтушенко «Счастья и расплаты» я найду как эхо на эту нашу очередную вылазку к монументу Владимиру Владимировичу: «Участие в нашемевшей акции «Жёлтая кофта» с попыткой возродить выступления у памятника Маяковскому в Москве тоже вызвало властное противодействие».

Отчего же? Может, испугались нашествия жёлтых кофт, или — возможную моду на них? Ведь в жёлтых футбольках явились не только корреспонденты «Комсомольской правды» и поддавшиеся на подписной клич редакции москвичи и гости столицы (мол, приходите в жёлтых кофтах — и получите призы!), но даже четвероногие. Отчёлтико помнило даму с крошечной, в жёлтом комбинезоне, собачкой на поводке, напоминающей мордочкой Лили Брик. Впрочем, Маяковский любил подниматься в обращениях к Лиле: «Цен».

Генрих Сапир и Саша Ткаченко... На снимке (внизу) они — с краю, с флангов. Правофланговые? Скорее, оба левофланговые. Я уже обращал внимание: попадающие в кадр с краю гораздо чаще и намного ускоренней уходят из жизни. Но покуда Саша, лауреат учреждённой в Грузии премии Владимира Маяковского, читает:

Вы, Владимир Владимыч,
штык приравняли к перу.
Нынче не перья, а пули
достают из тел эскулапы.
У нас не стреляют только
австралийские кенгуру,
ибо у них атрофированы
передние лапы...

Господи! Сколько с той поры убито журналистов и поэтов?! Да и сам Саша — с внезапной остановкой его сердца — словно сражён тайно введённой и медленно передвигавшейся по его артериям пулей.

Что читал Генрих?.. На пожелтевшей от времени полосе «Комсомолки» (газета с течением времени одевается в жёлтую кофту), которую я сам же и готовил к публикации, — стихотворение, завершающееся строчками:

...умер — так и не поняли
а ведь был новатор —
все тома Солженицына
в одном круге
зшифровал!

Не «зшифровал» ли Генрих здесь свой личный творческий код и собственную кончину? Но ощущение, что

там, с грузовика на Триумфальной, он читал тогда и другое — «Парад идиотов: «...идут идиоты, идут идиоты, / Несут среди общего круговорота / Какого-то карлика и идиота...»

А вот «Вещь не в себе» — Константин Кедров. Несмотря на то, что к 1996-му году Маяковского попытались «бросить с парохода современности», Костя не только не бежит с этого парохода, но со временем встаёт у его штурвала в ранге капитана. Он сравнивает себя с «выпитым до дна стаканом». «Но главное — после выпитого вина / отпечатки губ ваших на мне оставить!». Отпечатки чьих губ — на Константине Александровиче?

«ОЕАОУЕЙ» — обволевывает воздух площади Елена Кацоба. И уточняет, что укачивает её: «ОкЕАН ОщУщЕний». Ага, вот через какой «океан» ведёт свою футуристический корабль Константин!

«Посеменялась в очках я», — так начинаются стихи Алины Витухновской, прочитанные ею с нашего жёлто-кофточного грузовика. Позднее, через годы, когда я буду интервьюировать Витухновскую, а между делом — фотографировать, она вдруг скажет: «А можно я надену очки?» И наденет чёрные очки! И будет «посеменяться». А мне-то что? Меня этим не смущишь. Я сам хожу в чёрной рубахе. Алина продолжает: «Я сидела в клетке Бермудского треугольника...» А я был стalkerом «Пермудского треугольника» — зоны посадки НЛО.

Точно вышедший из этих двух «треугольников», к микрофону подходит Владимир Тучков. На Урале бытует глагол «брякнуть». Вот Володя и выдаёт:

Современная русская литература
так и не придумала
ничего эффективнее
чем утог на животе

Это он про кого? Про Витухновскую? Или про Александра Самарцева и Марину Тарасову, попеременно входящих на наш помост? «Я твой выкормыш дикий, Россия», — проглятывает первый. «Русский бизнес — что может быть хуже? / В нём безумье лунатика есть...», — обречённо кликушествует вторая. Пора бежать из этой компании! Я сдергиваю жёлтую кофту. Остается в чёрной рубахе.

Там, где гадают на кофейной гуще,
он явится в расследованной рубашке,
мужчина наглый, никогда не лгущий,
а через край сбегающий из чашки.

Я отдаю свою жёлтую футболку
Светлане Стрижнёвой, директору Музея
Маяковского. Она меня заверяет, что
отныне эта жёлтая футболка
будет находиться в музее, рядом с
жёлтой кофтой Маяковского. А
чёрная рубаха?

— Носите! Она вам идёт, — слышу я

напутствие.

Слева направо: Генрих Сапир, Александр Самарцев, Алина Витухновская, директор Государственного музея Маяковского Светлана Стрижнёва, Юрий Беликов, Елена Кацоба, Марина Тарасова, Александр Ткаченко. Фото Ильи Питалева.

Журнал ПОЭТОВ ДООС
№ 5 (71) 2016 «Раритет»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –

доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацюба – ответ. секретарь;
В.Ахломов, фотограф, заслуженный работник культуры
РФ (Москва);
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Витухновская, поэтесса (Москва);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических
наук, поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
К.Ковальджи, поэт (Москва);
А.Кудрявцевский, кандидат медицинских наук, поэт,
прозаик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва).

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз) при участии
Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной
общественной организации «Центр современного
искусства».

Логотип – Андрей Врадий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии ООО Мэйл Технолоджи
Номер подписан в печать 01. 11.2016 г.

Адрес в интернете: [http://
www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742](http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742)
E-mail: fly-1@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Пoэтов ДOОС

ISSN 2414-2425

**Книги издательства ДООС можно купить
в книжном магазине "Фаланстер"**

Чёрный квадрат 101 год

Александр Монар
ДООС – лавразавр
Киев

■
думая о Малевиче
и супрематизме
написал
это стихотворение

Дмитрий Багрим

■
В мозаике странной пустых отражений,
Разбитых зеркал... и разбитых сердец,
Скользящих в пространстве туманных движений,
Миря создает одинокий творец...

Нанизаны звёзды на поверхность галактик,
Сквозь тьму пролетают вереницы планет.
Рисует Малевич снова черный квадратик,
И в чёрном узоре ищет нужный ответ.

Прилив и отлив – это времени таймер,
Дыхание ровное... ритм тишины...
Закончил творец... на мгновение замер,
И вновь погрузился в бесконечные сны

Рахим Карим

Ош

■
Повесил сердце на показ, –
Картину в масле – живопись.
Весь мир огромный Эрмитаж,
Глядит из рамки словно жизнь.

Смотрите, в нем есть образ мой,
Оно – мой автопортрет!
Душа моя висит слезой,
Смеется, любит и поет.

И для кого оно шедевр,
А для кого-то – размазня!
Кто же я, простой Малевич,
Искусный то ли Рембрандт я?

Не знаю я в искусстве кто, –
Повесил в зале душу я!
Но точно знаю, верю, что
Не вешал в рамках тушу я!

Алексей Шмулей

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Пусть от чёрного квадрата монитор
Малевичу достался пьяный спор
Ты перепрятал память
А на экране бабы юны весь повтор
Лототрон и шарики с именами
Мёртвых что улыбались до сих пор
А стали – не потрогаешь руками

И словно трубку табаком
Ты забивашь бóшку снами
И словно будет что потом
Ты улыбаешься одними губами

Всю зиму лепили снеговику сердце
чтобы больнее
Всю руку ты пультом чёрным взвесишь
чтоб чернее
Выключишь...стало
А ты знаешь когда я любил
Солнце светило даром
Всю ночь выжимаю в карман
.....рубли
Кладу с бутылкой рядом

Текст

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

коллаж

Сардор Азизов

Ташкент

9 772414 242512

TEC.JT.COM

Андрей Врадий
ДООС – светозавр
«Радужный дождь»
(бумага, фломастер), 2016.

